

18+

МОЙ
РАГНАРЁК

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ
СКАЗКА

Макс Фрай

Мой Рагнарёк

«АСТ»

1998

Фрай М.

Мой Рагнарёк / М. Фрай — «АСТ», 1998

Это история о том, что плохой топ-менеджер может оказаться гораздо лучше хорошего – при условии, что ему поручили организовать не что-нибудь, а конец света. Это история о Последней Битве, в которой никто не хотел победить. Зато все хотели кофе с плюшками и как следует повеселиться. Это история о том, как ни у кого ничего не получилось. И это оказалось к лучшему. И еще это, конечно, история о дружбе и любви, на которых держится мир, вне зависимости от того, пришёл он к концу, или только что начался заново. Книга публикуется в авторской редакции.

© Фрай М., 1998

© АСТ, 1998

Содержание

Предисловие	6
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Макс Фрай Мой Рагнарёк

© Макс Фрай, текст

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Предисловие

Настоящее предисловие к этой книге едва уместилось в несколько толстых томов, и видит бог (тот самый, который пишется с большой буквы), я приложил все мыслимые и немыслимые усилия, чтобы оно не стало еще длиннее.

Теперь мне приходится расхлебывать последствия собственной словоохотливости – я прекрасно понимаю, что среди читателей этой книги найдется немало счастливицков, до сих пор как-то обходившихся без моей писанины. Поскольку пересказывать содержание чуть ли не дюжины томов в нескольких строчках – занятие неблагодарное, я и пробовать не стану.

Вместо этого позволю себе несколько ничего толком не объясняющих, но, на мой взгляд, все же необходимых замечаний.

Все события, о которых пойдет речь в этой книге, действительно имели место, но только в моей жизни, а не в вашей. Так бывает. Со мною – особенно часто, поскольку я уже давно по уши увяз в топком болоте чудес. Увяз так глубоко и безнадежно, что меня уже нет рядом с вами. Более того, у меня уже почти не осталось оснований думать, будто я вообще есть хоть где-то.

Строго говоря, меня никогда и не было. Но когда очередная волна неизвестно чьих воспоминаний грозит мне если не безумием, то тупой болью в затылке, я превращаю их в буквы на экране компьютера. Воспоминания навсегда оставляют меня в покое, поскольку с этого момента они принадлежат не мне, а так – всем понемножку.

* * *

Что же касается послесловия, хотелось бы верить, что его никогда не будет. Мне всегда казалось, что наихудшее послесловие к любой книге – это смерть автора (не та, о полной и окончательной победе которой так долго твердили постмодернисты, а обычная физическая смерть).

Зато самое сладостное послесловие, о котором можно только мечтать, это многоточие, но не отпечатанное типографским способом на бумаге, а длинная череда незаметных дырочек, образовавшихся на тонкой ткани реальности после того, как еще кто-то ускользнул, не прощаясь.

Боюсь, что этот вариант мне пока не по зубам: всякий раз, когда я собираюсь исчезнуть не прощаясь, непременно выясняется, что я забыл шляпу, или зажигалку, или еще какую-то чушь, без которой совершенно невозможно обойтись.

И мне приходится возвращаться.

* * *

*Как же это, друзья?
Человек глядит на вишни в цвету,
а на поясе длинный меч!
Кёрай, XVII век*

*Светлы мои волосы,
Темны мои глаза,
Темна моя душа,
Холоден ствол моего ружья.*

Автор когда-то наткнулся на эти строчки в детективном романе Себастьяна Жапризо «Дама в очках, с ружьем, в автомобиле»; из внутреннего монолога героини следовало, что это не просто стишок, а песенка, о мелодии которой остается только догадываться.

* * *

– Эй, Груз Виселицы, куда ты уставился?

Я твердо решил, что больше не буду отзываться на это прозвище, а посему никак не отреагировал на вопрос Афины. Пора бы ей усвоить, что обладателя тысячи имен не следует окликать таким образом.

Впрочем я не слишком верил, что молчание мое возымеет должное действие. Когда Афина принимает свой излюбленный человеческий облик, ее характер становится совершенно несносным. Тут ничего не поделаешь, остается лишь ждать, пока сероокая устанет таскать на себе бесполезный груз, который неразумные люди в свое время опрометчиво сочли одним из лучших мужских тел.

Мало того, что мне не слишком нравится простолюдин по имени Марлон Брандо, чей вид столь любезен Палладе, меня вообще изрядно раздражает ее склонность принимать мужской облик. Созерцать влажный от пота, коротко стриженный затылок немолодого мужчины и помнить, что под его загорелой кожей скрывается прекрасная сероглазая дева, – от такого у кого угодно ноша шеи перегреется!

Впрочем, эти Олимпийцы все с придурью, Афина еще самая разумная. И всех их легче убить, чем переделать, хотя убить тоже не слишком просто, поскольку считается, что они бессмертны. Как, впрочем, и я сам.

– Нет, правда, Игг, куда ты пялишься? Что такого интересного может быть на земле? – снова спросила Афина.

Я мог поздравить себя с очередной победой над ее необузданным нравом. По крайней мере, на сей раз меня назвали не Грузом Виселицы, а моим собственным именем, да еще и одним из самых любимых. Из доброй тысячи имен, успевших прилипнуть ко мне за мою долгую жизнь, я всегда предпочитал те, что покороче, как последний удар меча.

– Там на камне сидит какая-то странная тварь, – объяснил я. – Не то человек, не то погань подземная, не то просто наваждение. Но не один из наших, это точно.

– Ясно, – кивнула она. – Ну что, идем на снижение? Посмотрим, что он такое.

– Я и отсюда его прекрасно вижу. И ты бы увидела, если бы смотрела собственными глазами, а не выглядывала из близоруких окон своей драгоценной маски.

– Я уже целую вечность смотрю на этот прекрасный мир своими собственными всевидящими очами, – огрызнулась Афина. – Почему бы не позволить себе роскошь немного полюбоваться на него обыкновенными близорукими человеческими глазами? Когда еще доведется.

У меня не нашлось возражений. «Позволить себе роскошь» – это она очень хорошо сформулировала. В конце концов, все мы в последнее время только этим и занимаемся – позволяем себе разного рода роскошь, каждый в меру собственного воображения. А чем еще заниматься бессмертным богам, когда их мир собирается рухнуть, дата Последней битвы уже известна, а от былой наивной уверенности в собственном бессмертии давным-давно камня на камне не осталось.

– Ладно уж, – примирительно усмехнулась Афина, – по большому счету ты прав, Видур. Пожалуй, я действительно воспользуюсь своим зрением. Как ни крути, а человеческие глаза этого красавчика могут только смотреть, но не видеть.

Мы оба уставились вниз, на крошечное зеленое пятнышко. Привычным усилием воли я заставил его приблизиться и стать тем, чем оно на самом деле и было: мужчиной в ярко-зеленом плаще.

Он сидел на камне посреди голой песчаной равнины. Люди называют такие места «пустынями», но мне не нравится это слово. Оно лживо – я много путешествовал по так называемым «пустыням» и ни разу не встретился там лицом к лицу с обещанной пустотой.

Его руки были сложены на коленях, светлые растрепанные волосы почти закрыли лицо, по которому блуждала отрешенная улыбка, какие мне до сих пор доводилось видеть только у спящих. Наконец я заглянул в темную глубину его глаз, и мне стало не по себе. Я еще никогда не встречал столь пугающей темноты – ни в человеческих глазах, ни в глазах своих родичей, ни в глазах моих мертвых воинов, ни в единственном зрачке собственного отражения, если на то пошло.

– Это он, Нике, – сказал я.

Она обернулась ко мне, брови Марлона Брандо угрожающе нахмурились. До сих пор я лишь однажды называл Афины сладчайшим из ее имен. Это случилось в самом начале нашего знакомства, и тогда я еще не знал, какое число непотребных слов способна пустить в ход эта сероглазая, когда кто-то говорит ей, что она прекрасна.

В тот раз развлечение доставило мне некоторое удовольствие, но меня не слишком прельщала возможность повторно выслушать ее брань – я подозревал, что ничего нового Афина с тех пор не придумала.

По счастью, она не стала затевать ссору. Немного помолчав, переспросила:

– Кто – «он»? Ты что-то путаешь, Гаут. Этот смертный – не твой безумный побратим. Впрочем, возможно, он вовсе и не смертный.

– В том-то и дело, что не смертный. Боюсь, что он гораздо менее смертен, чем мы сами. Но при чем тут мой побратим?

– До сих пор мне казалось, что лишь его внезапное появление может выбить тебя из колеи.

– Глупости, – отмахнулся я. – Выбить из колеи – еще чего! Да, порой у меня портится настроение, когда я вспоминаю, во что превратился бедняга Локи. Когда-то нам было очень весело вместе, и это были хорошие времена... Да пес с ним, не о том речь! Ты еще не поняла, кто этот незнакомец внизу? Это тот, за кем с радостью пойдут худшие из смертных, тот, кого ждали мертвецы, чтобы подняться из могил. Ядовитое чудовище, под ногами которого плодородные земли превращаются в растрескавшуюся глину. Когда люди моего народа тщетно пытались перевести смутное знание о неизбежном на язык слов, они придумали свою историю о конце мира. Они назвали это «День судьбы богов». Надо отдать им должное, не так уж много они перепутали. Во всяком случае, куда меньше, чем прочие болтуны. Например, предсказали, что перед Последней битвой откуда-то с юга придет великан Сурт с огненным мечом и сожжет мир. Думаю, перед нами тот, кого они называли Суртом. Он пришел, и теперь все покатится в пропасть так быстро, что мы не успеем перевести дыхание. Это и есть наш главный враг, Нике. По сравнению с ним Локи – добрый приятель. В конце концов, он такой же невольник своей судьбы, как и мы все. А этот поганый пришел сюда развлекаться.

– Не развлекаться, – возразила она. – Он пришел сюда просто потому, что так вышло. В отличие от нас он действительно мог отказаться принимать в этом участие. Но его выбор уже сделан, так что теперь мы в одной лодке. Хотя он действительно возглавит армию наших врагов, одно другому не мешает, ты знаешь.

– Не мешает, – согласился я. – А с каких это пор ты занялась пророчествами?

Она не ответила.

Про себя я отметил, что Афина не так проста, как кажется, а значит, и с прочими ее родичами следует держать ухо востро.

Потом я снова погрузился в темноту глаз незнакомца. Эта тьма была почти непроницаемой – для кого угодно, но только не для меня. Случалось мне разгадывать и более хитроумные загадки.

Следовало признать, что наш враг не вызывал у меня должного отвращения. Я быстро понял, в чем дело: ему довелось попробовать мед поэзии, а я питаю слабость к скальдам.

– Похоже, он не раз окунал руки в кровь Квасира. Вот уж никогда бы не подумал, – сказал я Афине.

– В чью кровь?

– Я хотел сказать, что прежде он был поэтом. «Кровь Квасира» – это поэзия.

– Почему нельзя просто называть вещи своими именами? – раздраженно спросила Афина.

– Потому что вещи от этого портятся, я тебе уже объяснял. Если золото тысячу раз назвать «золотом», это истощит его, оно устанет, утратит свой блеск и потеряет ценность. Поэтому лучше называть его «периней дракона» или еще как-нибудь – есть много способов дать понять, о чем идет речь, не называя имени. Это магия. Не слишком хитроумная, согласен, зато она работает.

– Этот дерьмовый мир скоро весь испортится, раз и навсегда, а ты все носишься со своей дурацкой магией! – в сердцах сказала Афина.

– Если бы с ней все носились, глядишь – и мир бы не испортился, – огрызнулся я.

Знала бы эта сероглазая, как трудно порой не разгневаться, слушая ее вздорные речи.

– Хорошо, не будем больше спорить, – неожиданно согласилась она. – Сейчас я хочу разобраться с этим существом внизу, так что придержи свою драгоценную шляпу. А то еще улетит на вираже!

– Ладно, придержу. Разбирайся.

Она заговорщически мне подмигнула и начала стремительно сбавлять высоту. Земля неслась нам навстречу с такой скоростью, словно была отощавшим медведем-шатуном, а наша диковинная летательная машина – ее единственным шансом не сдохнуть с голоду еще до наступления ночи.

Я не видел лицо своей спутницы, но чувствовал, что мясистые губы мужчины с нелепым именем Марлон сложились в улыбку валькирии. Теперь никакая маска не могла скрыть настоящую Афину, которая при первой же встрече гордо бросила мне: «Только не думай, что испугаешь меня своим заговоренным железом, дружок, я и сама – бог войны!»

Афина небрежно положила руку на гашетку пулемета. Я понял, что она задумала, и расхохотался от полноты чувств. В этот миг я разрешил себе поверить, будто все еще можно исправить. Сейчас растревожившие меня темные глаза незнакомца погаснут, станут кормом для воронья; его зеленый плащ через несколько дней занесет песком, а в сапогах поселятся змеи. С ним будет покончено навсегда, а потом... Мало ли что может случиться потом.

– Разворачивайся, Хар, хватит сверлить мой затылок своим драгоценным глазом, – потребовала Афина. – Лучше приготовься пострелять. Я начинаю, а финал – за тобой.

Я развернулся и склонился над пулеметом, смертоносной машиной, которую моя подруга зовет ласковым именем Льюис. Добрая перемена: до сих пор она всегда настаивала, что пока я нахожусь в ее аэроплане, я – никакой не ворон брани, а всего лишь пассажир. «Только сиди смирно, Игг, и ничего не трогай!» – напоминала она перед всяким полетом. – Это мои игрушки, и не твое собачье дело, как я с ними обхожусь!»

Этой сероглазой многое сходит с рук – нынче я не охотник до свар. Пусть себе своевольничает. Пока от нашей дружбы есть прок, я готов потакать ее ребяческим капризам. Да и пропадет она без меня. И сама это знает.

Покорный капризам Афины, я никогда прежде не пользовался ее хитроумным орудием убийства по имени Льюис. К счастью, мне нет нужды всякий раз учиться обращению с новым оружием – всякое оружие при ближайшем рассмотрении непременно оказывается одной из несметного числа моих невидимых смертоносных рук.

Пулемет не был исключением. Стоило мне прикоснуться к холодному металлу, и все встало на свои места. Можно было не сомневаться: я сумею привести в действие это устройство, как уже не раз заставлял оживать куда более замысловатые игрушки, придуманные слабыми, но изобретательными людьми, чье стремление услужить смерти всегда вызывало у меня оторопь: им-то это зачем?

Стрельба Афины возвестила о начале битвы. Рыжий песок был так близко, что я вполне мог бы сосчитать песчинки, если бы у меня нашлось время загибать пальцы. Мы принесли на землю ветер; светлые волосы незнакомца взметнулись вверх и зашевелились, как змеи на голове Горгон, о которых я слышал от Олимпийцев, – судя по всему, в будущем нам еще предстояло сразиться с этими скверными бабами.

Я с наслаждением окунулся в изумительную музыку выстрелов. Но почти сразу с горечью осознал, что ничего не происходит. Вообще ничего! Мы не только не убили, но, кажется, даже не потревожили своего будущего врага.

Наконец он неохотно поднял голову. Мне показалось, что наши глаза встретились, но потом я понял, что такого быть не могло: это существо обладало обыкновенным, заурядным человеческим зрением. Наш враг не видел дальше собственного носа. Ну и дела.

Небо становилось все ближе, наш летательный аппарат удалялся от земли так же стремительно, как только что несли ей навстречу. Можно было подумать, что мы удираем, но я успел увидеть, что неуязвимый незнакомец в зеленом плаще с любопытством посмотрел нам вслед, заулыбался еще шире, а потом начал смеяться.

– Ты слышишь, Паллада? Он смеется! – Я почувствовал, что задыхаюсь от гнева.

– Он смеется, как мы сами умели смеяться когда-то давно, – вздохнула она. – И, кажется, я понимаю, почему тебе это так не нравится. Он смеется как бессмертный, а мы с тобой уже утратили это умение.

– Но он действительно бессмертный. Мы же не смогли его убить.

– Наваждение тоже невозможно убить, – улыбнулась Афина. – Знаешь, меня одолевали сомнения на его счет, поэтому и пришлось затеять стрельбу. Бессмертному она бы не повредила. Но только наваждение могло позволить себе роскошь вообще не обратить внимания на нашу атаку.

– Ты хочешь сказать, что он – обыкновенное наваждение?

– Ну, положим, не обыкновенное. И все же именно наваждение. Жаль, что он не на нашей стороне. Я бы попросила его научить меня так смеяться.

Я промолчал.

– Ну что, поворачиваем домой? – наконец спросила Афина.

Я кивнул, не сообразив, что она сидит ко мне спиной.

– Мы летим домой или как? Я тебя спрашиваю!

– Домой, говоришь? – усмехнулся я. – Да, домой – это было бы неплохо. Только у нас больше нет дома. И уже никогда не будет.

– Не придирался бы ты к словам, Один, – устало сказала она.

С меня стало бы написать: «Эта история началась с того, что...» – дальше может следовать подробное изложение любого события, начиная с моего рождения и заканчивая дурацкой, никому не нужной вылазкой в Берлин в мае девяносто восьмого года. Пятого мая, если быть точным.

Вообще-то обычно я катастрофически путаюсь, пытаюсь воспроизвести хронологию событий, но эту дату углядел на первой странице газеты, которую обнаружил на соседнем кресле в пустом вагоне электрички, и почему-то запомнил.

Несколькими днями раньше мне вдруг приспичило провести старинных приятелей. Взял себя за шиворот и отправил проветриваться. Поездка, надо сказать, вышла совершенно идиотская: записную книжку с адресами я оставил дома, а память моя – советчик ненадежный. Водила меня по Берлину, что твой леший, да так никуда и не привела.

По узким улочкам Карлсхорста я бродил часа четыре. Уже и не надеялся отыскать дом своих приятелей, но мне как-то не пришло в голову, что можно остановиться, развернуться, отправиться на станцию, дожидаться электрички и уехать куда-нибудь в сторону центра. Я-то всегда больше любил западную часть Берлина, этого восхитительного уродливого города, идеально приспособленного для одиноких прогулок в пасмурную погоду. И тем не менее я упорно продолжал скитаться по восточной окраине. Теплый мелкий дождик не раз порывался забраться мне за шиворот, но у него не хватало пороку на этот подвиг, так что он то и дело останавливался – надо полагать, для того, чтобы собраться с силами и атаковать меня снова.

Пустые дома утопали в роскошных садах. Среди мокрой пахучей листвы пестрели аккуратные одинаковые таблички, оповещавшие меня, что сия соблазнительная недвижимость «сдается» или «продается», – вторая надпись попадалась несколько чаще. За все утро я не встретил ни единой живой души. Если бы кто-то сказал мне, что такое возможно, я бы ни за что не поверил. В финале бесцельных блужданий я совсем одичал и почти перестал соображать, кто я такой и на кой черт меня сюда занесло. Мои ощущения свидетельствовали, что я все еще существую, но вряд ли в качестве полноценной человеческой единицы. Скорее уж я был просто точкой на плоскости. Точкой, через которую можно провести бесконечное количество прямых, – эта дурацкая, но обнадеживающая аксиома из школьного учебника геометрии всплыла в моем сознании и тут же благополучно погрузилась обратно, на дно, в темный, вязкий ил пассивной памяти.

Наконец точка снова стала человеком. Я огляделся и понял, что мои мудрые ноги совершенно самостоятельно, не дожидаясь команды сверху, вынесли меня на широкую улицу, которая вполне могла считаться обитаемой. В центре проезжей части деликатно позвякивали темно-зеленые вагоны старого трамвая, по противоположной стороне улицы неторопливо брела седая старушка с черным карликовым пуделем на поводке, у моих ног суетилась добрая дюжина воробьев. По сравнению с безлюдными переулками, по которым я кружил с самого утра, жизнь тут просто кипела!

– Очень вовремя, душа моя, – сказал я себе. – Тебе как раз пора что-нибудь сожрать, а залезать в чужие сады и обглаживать цветущую сирень¹ нам, взрослым дядькам, не с руки. Да и некалорийная это пища.

Почему-то принято считать, что когда человек начинает во всеуслышание обращаться к себе, любимому, его душевное здоровье находится в большой опасности. Не знаю, как это бывает у прочих представителей человечества, но в моем случае все обстоит ровно наоборот: самые разумные и практичные советы я даю себе именно вслух. Зато когда я умолкаю, окружающим впрямую насторожиться.

Как бы то ни было, а моя идея насчет пожрать была чудо как хороша. Я внимательно огляделся. Картина показалась мне не слишком обнадеживающей: наглухо закрытые металлическими ставнями окна первых этажей окружавших меня домов не слишком подходили на роль ресторанных витрин. Никаких вывесок я тоже не обнаружил.

---

¹ В мае на улицах Берлина действительно нельзя найти ничего съедобного, кроме цветов сирени, в чем я убедился лично. (Примеч. автора)

Я укоризненно посмотрел на небо. Оно могло бы быть великодушнее к усталому путнику. Потом я постарался угадать, в каком конце улицы меня ждет вожденная тарелка с едой. Поскольку предчувствия молчали, пришлось подбросить монетку. Почти невесомый пфенниг явил мне сияющую решку, я дисциплинированно свернул налево и отправился навстречу своей судьбе.

Впрочем, мы всегда идем исключительно навстречу своей судьбе, даже когда направляемся в уборную, на ходу расстегивая брюки: между двумя любыми точками, расположенными на плоскости, можно провести одну и только одну прямую. Господи, какие все-таки жуткие вещи можно вычитать в обыкновенном учебнике геометрии, куда уж там Стивену Кингу.

Одолев несколько кварталов, я убедился, что монетка меня не обманула. Огромные красные буквы на фоне бледно-серого неба обещали большую жратву. Я понял это прежде, чем разобрал надпись – из таких ярко-красных букв можно составить только название какой-нибудь дрянной забегаловки, больше они ни на что не годятся.

Буквы честно старались сложиться в осмысленное слово, но получалось, мягко говоря, не очень. Во всяком случае, мне так и не удалось прочитать название заведения, погребенного под этой загадочной надписью. Впрочем, я не сомневался, что за свежеекрашенными белыми стенами свирепствует мексиканская кухня: в конце надписи красовался уродливый красный кактус, с грехом пополам заменявший точку. Меня это вполне устраивало. На мой вкус, наихудшее блюдо мексиканской кухни – куда меньшее зло, чем прискорбные результаты взлета творческой мысли работников какого-нибудь «Макдоналдса».

Я толкнул стеклянную дверь, быстро пересек смутное пространство полутемного холла, переступил порог обеденного зала и заулыбался от неожиданности: интерьер заведения полностью соответствовал – не то чтобы моему вкусу, который имеет обыкновение меняться несколько раз в сутки, но сиюминутному представлению о совершенстве. А это, по большому счету, гораздо важнее.

Я занял столик в углу, напротив стены, увешанной театральными афишами начала века – не то настоящими, не то успевшими порядком состариться копиями. Ко мне тут же подошел вполне натуральный мексиканец средних лет и с приветливой улыбкой поинтересовался, что он может для меня сделать. Я немного подумал и честно сказал, что для начала меня следует хорошо покормить. Ну а если возможно устроить так, чтобы банка с тоником появилась в моих руках одновременно с меню, – это превзошло бы мои самые смелые ожидания.

– Правда? – невозмутимо переспросил официант. Склонился к моему уху и доверительно шепнул: – Я думаю, это можно устроить.

Я восхищенно покачал головой. Мексиканец поспешно исчез и вскоре снова возник за моей спиной. Я и сам не заметил, как в моей левой руке оказалась ледяная желтая банка с тоником, а в правой – меню в картонном переплете.

– Стакан ни к чему, да? – спросил этот кудесник.

Можно было подумать, что мексиканец имел счастливую возможность лет триста прожить со мной под одной крышей и защитить докторскую диссертацию о моих предпочтениях.

– Да, соломинки вполне достаточно, – согласился я и уткнулся в меню. К этому моменту я был готов жевать скатерть.

Через несколько секунд я решил, что для начала мне следует заказать бурритас с черепашьим мясом, а там видно будет.

Всего полбанки тоника и полсигареты спустя я стал счастливым обладателем полной тарелки. Похоже, все события в этом замечательном заведении случались с фантастической скоростью.

Я тоже не подкачал. Молниеносно расправился с теплой лепешкой и ее божественным содержимым. А потом с удивлением обнаружил, что мне, собственно говоря, больше ничего и не требуется. Разве только чашка кофе.

Я огляделся в поисках улыбчивого мексиканца. Его нигде не было.

Ничего, теперь можно и подождать, – с ленивым благодушием сытого человека подумал я. – Рано или поздно объявится – никуда не денется.

– Прошу прощения, я немного задержался. Впрочем, это даже к лучшему, вы хоть поесть успели.

Только когда незнакомец уселся напротив, я понял, что его извинения были адресованы не кому-то, а именно мне. Хорошенькое дело.

Сперва я с недоумением уставился на его ярко-зеленое пальто – все-таки взрослые люди нечасто выпускают себя из дома в одежде такого цвета. Потом перевел взгляд на лицо. Как и следовало ожидать, лицо оказалось совершенно незнакомым. Я мог быть уверен, что никогда в жизни не встречал этого человека. Ошибки тут быть не могло: его физиономия являла собой незабываемое зрелище.

Прежде я не подозревал, что человеческое лицо может быть столь беспардонно красивым. Можно было подумать, что, создавая это существо, природа вдруг перестала доверять собственному мастерству и передала заказ команде профессиональных мультипликаторов. Безупречной красоте незнакомца явно не доставало реализма. Идеальный овал лица, белоснежная кожа, высокий лоб, эффектно обрамленный черными кудрями, тонкие полукружья бровей, огромные пронзительно-зеленые, в тон пальто, глазницы, губы, столь яркие, словно незнакомец воспользовался декоративной косметикой. Все это было так хорошо, что не вызывало решительно никакого доверия.

– Вы меня, наверное, с кем-то перепутали, – предположил я.

– Вас невозможно ни с кем перепутать, – улыбнулся он. – Но если вы сомневаетесь – пожалуйста. Вас зовут Макс. Мне, впрочем, хочется назвать вас Али, как в старые времена, но боюсь, в настоящий момент вы вряд ли признаете это имя своим, а посему пока остановимся на Максе. Вы приехали в этот город сегодня утром, верно? Давным-давно у нас с вами была назначена встреча в этом кафе, ровно в два часа пополудни пятого мая сего года. Но я задержался на четверть часа.

– Так называемое «академическое опоздание», вполне допустимое в приличном обществе, – кивнул я. Потом оценил нелепость ситуации и спросил: – Но если у нас с вами действительно была назначена встреча, почему я об этом ничего не знаю?

– Если бы вы не знали, вы бы сюда не пришли. А поскольку вы здесь...

– Ладно, – вздохнул я, – скажите хотя бы, кто вы? И для чего, собственно говоря, была назначена эта самая встреча?

Незнакомец пожал плечами.

– На первую половину вашего вопроса ответить довольно легко... и в то же время почти невозможно. А удовлетворительного ответа на вторую половину вашего вопроса вовсе не существует, хотя ответ, который вас совершенно не устроит, я готов дать в любой момент. Забавно.

Я почувствовал, что начинаю сердиться.

– Вы меня совсем запутали. Между прочим, не так уж хорошо я знаю немецкий язык, чтобы играть в загадки и отгадки.

– А с чего вы взяли, что я говорю с вами по-немецки? – удивился незнакомец.

Только тут до меня дошло, что мы действительно ведем беседу на моем родном языке. И как я сразу не заметил?

– Это как раз понятно, – сказал мой собеседник. – Поскольку вы находитесь в Берлине, вы были заранее уверены, что любой незнакомец будет обращаться к вам именно по-немецки.

Ничего удивительного, большинство людей всю жизнь пребывают не в реальном мире, а в том, в существовании которого они заранее уверены. Довольно страшный дар. Я бы сказал – проклятие, но вы со мной, пожалуй, не согласитесь.

– Может, и соглашусь. Мне сейчас, мягко говоря, не до философских дискуссий. Я уже пять минут вас слушаю и чертовски хочу понять хоть что-то. Но не понимаю. Не самый удачный момент для осмысления общей картины человеческого бытия, вам так не кажется?

– Вам виднее, – кивнул незнакомец. Было заметно, что его мысли заняты совсем другим. – Я вот все думаю, как бы мне ответить на ваш вопрос об имени. Вообще-то у меня его нет.

– Но наверняка существует какой-то бессмысленный набор звуков, который окружающие считают вашим именем, – подсказал я.

– Да, существует. Но боюсь, что этот самый «набор звуков» окончательно вас запутает. Видите ли, когда люди хотят упомянуть меня в своих речах, они говорят: «Аллах».

Он развел руками и виновато улыбнулся. Я озадаченно уставился на собеседника. Да уж, стоило ехать черт знает куда, в город, где я не был так много лет, что постепенно начал сомневаться в его существовании, – и все это для того, чтобы в первом попавшемся кафе наткнуться на городского сумасшедшего. Ничего не попишешь, мое фирменное везение!

Потом я понял, что все гораздо хуже. Мало того, что вышеупомянутый «городской сумасшедший» не только безупречно говорит на моем родном языке, весьма отличном от немецкого. В довершение всех бед он знает, как меня зовут и когда я приехал в город. И, честно говоря, я с самого начала почувствовал, что он знает обо мне гораздо больше. Может быть, абсолютно все. И кто из нас после этого городской сумасшедший? Вот вопрос, ответ на который наверняка понравится мне еще меньше, чем весь наш дурацкий разговор.

– «Аллах»? – собравшись с духом, переспросил я. – Хотите сказать, что вы – бог мусульман? И, вопреки здравому смыслу, вы все-таки есть? Ерунда какая-то.

– Не Бог, а Аллах, – поправил он. – Это разные вещи. Кроме того, могу вас успокоить: меня нет и никогда не было. В этом, собственно говоря, и заключается проблема.

– Какая проблема?

К этому моменту я как раз окончательно убедился, что городской сумасшедший у нас я. А этот красавчик – моя очередная галлюцинация. Возможно, служащие психиатрической лечебницы, куда меня давным-давно благополучно упрятали заботливые родственники, забыли сделать мне успокоительный укол, и теперь я могу всю наслаждаться экзотическими видениями, ловить за хвост свою своеобразную удачу, пока они не опомнились и не возобновили курс лечения.

– Что бы вы ни думали, Макс, но за этим столом нет ни одного безумца, – мягко сказал незнакомец. – Перед тем как я вошел, вы хотели заказать кофе, помните? Могу вас порадовать, это как раз то чудо, которое мне по зубам.

Он ослепительно улыбнулся и эффектно – жест не то фокусника, не то эксгибициониста – распахнул свое невероятное пальто. Под пальто обнаружился строгий черный костюм. Я так и не успел разглядеть, откуда именно появилась маленькая чашка, такая же пронзительно-зеленая, как пальто, потрясшее меня до самых оснований моей смешной души. Кажется, он извлек ее из нагрудного кармана своего элегантного пиджака, хотя тут я могу ошибаться.

– Это – самый лучший кофе, какой только можно отыскать под этим небом, – объявил Аллах. – Точно такой же кофе готовил повар Гаруна ар-Рашида, а он вел свой род от верховных джиннов Первой Пустыни.

– Что это за «первая пустыня» такая? – осведомился я, принимая угощение. – Никогда о ней не слышал.

– Вы о многом не слышали. И еще больше успели позабыть. По счастью, ваше неведение не мешает некоторым событиям оставаться свершившимися фактами.

Я осторожно попробовал кофе и расцвел от удовольствия. Этот воистину божественный напиток отличался от обыкновенного хорошего кофе столь же разительно, как настоящие живые цветы от своих чудовищных пластиковых копий.

– Вы нашли кратчайший путь к моему сердцу. Мы остановились на том, что вы – наваждение, я правильно понял?

Мой собеседник кивнул, и я торжественно закончил:

– В таком случае вы – наилучшее из наваждений! Это я вам говорю как крупный специалист в данном вопросе².

– Ну наконец-то! – улыбнулся Аллах. – А я все ждал, когда вы перестанете притворяться обыкновенным человеком, который впервые в жизни столкнулся с необъяснимым.

– Я вошел в роль. Так старался соответствовать обстоятельствам, что немного увлекся.

– Я понимаю.

– Ладно, – кивнул я, аккуратно поставив на стол пустую чашку. – А теперь вам все-таки придется ответить на вторую половину моего вопроса. По какому поводу встреча? Или вам просто надоело, что я то и дело поминаю ваше имя всуе?

У меня действительно есть дурацкая привычка помянуть беднягу Аллаха по любому поводу и вовсе без такового. Я регулярно отсылаю к нему своих горемычных собеседников, вместо того чтобы отправлять их в традиционную научно-исследовательскую экспедицию к общеизвестному анатомическому органу. Я периодически возношу Аллаху хвалу, клянусь его именем, а порой высказываю ему совершенно необоснованные претензии – и все это только потому, что слово «аллах» кажется мне забавным.

– Да нет, поминайте на здоровье, – равнодушно отмахнулся мой собеседник. – Мне от этого ни холодно, ни жарко. Я назначил встречу, поскольку хочу предложить вам работу.

– Надеюсь, вы не вербуете муэдзинов? Предупреждаю, голос у меня всю жизнь был так себе, слабенький, а слуха и вовсе нет. Я распугаю все население Ближнего Востока и навсегда отведу этих бедняг от истинной веры.

– Не говорите ерунду. При чем тут ваш голос?

– Тогда ладно.

Тут я наконец прикусил язык, велел себе молчать и слушать. Хорош я буду, если этот красавчик обидится, справедливо сочтет меня идиотом и уйдет, а я останусь. И, надо думать, мирно скончаюсь от любопытства, прежде чем принесут счет.

Но Аллах и не думал обижаться.

– Даже не знаю, какие нужны слова, чтобы вы правильно поняли суть проблемы, – посетовал он.

– А вы просто скажите как есть, – предложил я. – И аллах с ними, со словами... Ой, простите.

Он великодушно отмахнулся от моих извинений.

– Скажите, вы знакомы с пророчествами о конце мира?

– В общих чертах. Не могу сказать, что это было мне интересно, поэтому я всегда ограничивался эсхатологической информацией, которая случайно влетала в мои уши. Апокалипсис, примеревшийся бедняге Иоанну, четверка всадников, бледный конь, труба архангела, Страшный Суд и все в таком духе. И еще в сундуках моей памяти пылится мрачная, но красивая версия из скандинавской мифологии. Там у них какая-то сволочная псина пожирает солнце, наступает тьма и начинается Последняя битва, в ходе которой гибнут чуть ли не все

---

² Это не пустая болтовня, а ссылка на сумму событий, изложенных в цикле «Лабиринты Ехо». Читателю, незнакомому с этим циклом, достаточно знать, что визит Макса в Берлин – не туристическая поездка благополучного обывателя, а самовольная отлучка начинающего колдуна из иной реальности. (Примеч. авт.)

боги... Или сначала битва, а уже потом – тьма?... Ай, неважно. И все это называется красивым словом “Рагнарёк”.

– Вот-вот, – оживился Аллах. – Из всех известных мне версий скандинавская, пожалуй, наиболее точно отражает истинное положение вещей. Именно об этом я и собирался с вами поговорить.

– Кстати, вы можете обращаться ко мне на «ты», – сказал я. – Извините, что не предложил раньше... Так, и что там с этой Последней битвой?

– С нею все в порядке, – будничным тоном сказал мой новый приятель. – Даже дата уже известна. Последняя битва должна состояться примерно через семь месяцев, в день зимнего солнцестояния. В этом году оно как раз совпадает с полнолунием – очень удачно! Заранее представляю, как великолепно будет выглядеть поле боя при свете полной луны. Собственно говоря, я хотел предложить вам – тебе! – возглавить одну из армий.

– Как это? – тупо переспросил я.

– Ну как. Как обычно командуют армиями. Думаю, ты быстро освоишься. На самом деле чем больше людей, тем проще с ними справиться. Человек, которому удастся поддерживать дисциплину в маленькой организации, очень легко управляет с толпой. Вот наоборот получается далеко не всегда. Я знал немало великих полководцев, которые так и не сумели навести порядок у себя дома.

– Подождите! – попросил я. – Имейте в виду, я действительно ничего не понимаю. Какая армия? Какая, к чертям собачьим, Последняя битва?! При чем тут зимнее солнцестояние? И самое главное – при чем тут я?!

– Макс, этому миру пришел конец, – жестко сказал мой собеседник.

Вообще-то он употребил совсем другое слово. То самое, которое отлично рифмуется со словом «конец» и никогда не уходит живым из хищных лап цензоров.

Услышав матерное словечко из божественных уст, я нервно рассмеялся и зачем-то уточнил:

– Полный?

Аллах нетерпеливо пожал плечами.

– А какой же еще?

– И все исчезнет? – растерянно спросил я. – Жаль. Здесь так много изумительно красивых мест.

– Думаю, я не совсем правильно выразился. Конец мира, о котором я толкую, касается только людей и еще некоторых созданий. Тех, кого люди называют «богами». Земля и небо останутся, просто станут иными. Думаю, в новом мире тоже будет немало изумительно красивых мест, так что тебе не о чем сожалеть. Кроме того, ты уже отдал свое сердце совсем другому небу, я не ошибаюсь?

– Вы не ошибаетесь. Сердце, а в придачу к нему легкие, печеньку и прочий полезный для жизни ливер. И все же...

– Кстати, тебе тоже не обязательно говорить мне «вы», – заметил он.

– Да? – удивился я. – Знаете, мне несколько неловко говорить «ты» существу, которое считается богом.

– Дело хозяйское, – согласился Аллах.

Мы помолчали, наконец я снова встрепенулся.

– И все-таки, при чем тут я? Я здесь больше не живу. И вряд ли смогу принять участие в этом вашем культурно-оздоровительном мероприятии.

– Сможешь, если захочешь. Собственно говоря, именно об этом я и намерен с тобой договориться. Я собираюсь предложить тебе самое невероятное приключение, о каком ты и мечтать не смел.

– Возглавить одну из армий, да? – усмехнулся я. – Вынужден вас огорчить: я никогда в жизни не мечтал о карьере военачальника. К тому же у меня практически не функционирует тот участок мозга, который заведует честолюбивыми устремлениями. Я в этом смысле, можно сказать, инвалид.

– Не говори глупости, – вздохнул мой собеседник. – При чем тут твои честолюбивые устремления? Я же не предлагаю тебе пост главнокомандующего НАТО. Соберись с мыслями, ладно?

– Было бы с чем... Ну сами подумайте: как я могу возглавить какую-то армию, если я понятия не имею, что такое армия и как ее следует возглавлять? Между прочим, я никогда в жизни не служил в армии – даже рядовым! Даже книжки про войну не любил читать. И вообще, зачем это нужно? Неужели этот ваш конец света нельзя проверить без моего участия?

– Нельзя, – подтвердил он.

– Вот это да! Как приятно – *земную жизнь пройдя до половины*, внезапно обнаружить, что без тебя совершенно невозможно обойтись в столь важном деле. А почему, собственно говоря?

Мой собеседник надолго задумался.

– По большому счету без тебя все-таки можно обойтись, – неожиданно признал он. – Но если ты откажешься, эту армию придется возглавить мне самому. А это будет неправильно.

– Почему?

– Ну хотя бы потому, что меня нет, – туманно пояснил он. – В отличие от всех остальных действующих лиц предстоящего этому миру финала, я – не настоящий бог. Так, наваждение, нечаянно осуществившаяся мечта неукротимого Вершителя по имени Мухаммед.

– А откуда вы знаете о Вершителях? – обомлел я.

– Невелика тайна. Но термин я позаимствовал из твоего собственного лексикона, вместе с кучей других полезных словечек. Так проще договориться.

Я вспомнил синоним слова «конец», несколько минут назад извергшийся из божественных уст, и виновато потупился. Но Аллах не обращал внимания на мое смущение.

– У почитающего меня народа есть миф об абдалах, так называемых «скрытых святых», тайно управляющих миром, – продолжил он. – О, эти умники, суфии, отлично знали, на что способны Вершители! Этот переменчивый мир всегда становится таким, каким вы хотите его видеть, – рано или поздно, так или иначе. Неудивительно, что он подошел к концу – вас много, а ваши желания, как правило, куда более нелепы, чем бесхитростные просьбы прочих детей человеческих. Что же касается меня – бедняга Мухаммед так хотел, чтобы я был! Дело кончилось тем, что мне пришлось возникнуть из небытия. Если уж Вершителю по-настоящему приспичит...

– Вы хотите сказать, что пророк Мухаммед вас создал?!

– Ну да. А что тут такого? Вспомни собственные наваждения, – усмехнулся он.

– Наваждения? Хотите сказать, что все, что со мной происходит...

– Я вообще ничего не хочу сказать. Но говорю, поскольку тебе кажется, что именно это я и должен делать.

– Ладно, но почему бы вам самому не сразиться в этой Последней битве? Если вас нет, значит, вы неуязвимы и можете спокойно развлекаться – чего ж еще?

– Если я возглавлю одну из армий в грядущей Последней битве, это будет очень плохо для всех. В первую очередь для меня самого, поскольку наваждение не имеет права вмешиваться в так называемые «реальные события». А Последняя битва – самое что ни на есть реальное событие, можешь мне поверить. Если я отягощу себя активным участием в делах людей и богов, я стану слишком настоящим и никогда не обрету свободу, сладкая тень которой уже давно дразнит меня своими неопишемыми очертаниями.

– Да, это уважительная причина, – признал я. – Но с какой стати вы решили, будто из меня получится хороший заместитель главнокомандующего?

– А почему бы и нет? Ты вообще идеальный заместитель. Ты просто рожден для того, чтобы доводить до конца чужие дела. Между прочим, именно поэтому тебе никогда не удавалось привести в порядок собственные. Строго говоря, у тебя вообще нет своих дел. Только чужие, зато их ты можешь улаживать с пугающей легкостью.

– И то верно, – задумчиво согласился я.

Возражать не очень-то хотелось. У меня было достаточно поводов сделать примерно те же выводы касательно своей загадочной способности улаживать чужие проблемы. При этом страшно вспомнить, сколько лет я угрожал на жалкие попытки перевернуть мир, прежде чем понял, что мне вообще не стоит выпендриваться, убеждая себя и окружающих, будто у меня могут быть какие-то там «собственные дела».

– А гибель мира, который уже давно перестал быть твоим, – и есть «чужое дело», которое просто необходимо довести до конца, – подытожил Аллах.

– Ладно, допустим. И что от меня требуется?

– Повести за собой мое воинство. То есть, еще проще: помочь Мухаммеду, который уже готов выступить в поход. Кто-то из нас должен быть рядом с ним. Он даже не может покинуть свою могилу, пока его не позовут. А позвать его могу только я. И еще ты. Для него это не имеет значения.

– Как это – не имеет значения? – насторожился я.

– Что, не верится? А вот послушай. Люди моего народа любят пересказывать историю о том, как однажды Мухаммед был у меня в гостях...

– Уже смешно, – мрачно откликнулся я.

– Возможно. Тем не менее. Считается, что в ходе его визита я скрывался за занавеской, поскольку никто из людей, даже Мухаммед, не может лицезреть мой облик. Когда перед Мухаммедом появилось блюдо с угощением, он сказал, что ему неловко есть одному. И тогда из-за занавески появилась рука и взяла с блюда горсть риса. Мухаммед узнал в ней руку своего родича по имени Али – твою руку, Макс! Не могу сказать, что эта история правдива, но как метафора она вполне годится.

– Подождите, – попросил я. – Как я могу быть родичем Мухаммеда? Я не настолько стар, чтобы фигурировать в мифах и легендах. И потом, я не так уж хорошо знаю историю своей семьи, но вполне очевидно, что мы с вашим Мухаммедом – люди разных национальностей.

– При чем тут твоя национальность? – вздохнул Аллах. – Ты говоришь ерунду и готов тараторить до вечера, лишь бы заглушить настойчивый шепот собственной памяти, которая твердит тебе, что когда-то мы с тобой были хорошими друзьями. И в те дни тебя действительно звали Али. Ты боишься этих воспоминаний, да? Они разрушают последний бастион твоего здравого смысла.

– Какой «последний бастион»?

– Твердую уверенность в том, что тебя зовут Макс и тебе недавно исполнилось тридцать три года. Кажется, ты готов до последней капли крови сражаться за право и дальше полагать куцый фрагмент своей биографии исчерпывающей информацией о себе.

– Не понимаю, – упрямо сказал я.

– Ничего страшного. Когда-нибудь поймешь.

– А как меня зовут на самом деле?

Смешно сказать, я всерьез боялся получить ответ на этот вопрос. Казалось бы, что может изменить имя, упорядоченный набор звуков, изобретенный людьми для того, чтобы как-то обращаться друг к другу?

Но Аллах только покачал головой.

– Как тебя только не зовут. Впрочем, как тебя зовут на самом деле, я не знаю. Боюсь, что вообще никак. Ты – очень древнее существо. И когда-то бесконечно давно ты нашел способ убежать от смерти, которая до сих пор страшит тебя чрезвычайно.

– Какой способ?

От всех этих откровений меня колотило так, что от попытки внятно произносить слова скулы сводило.

– Это был простой и гениальный способ. Ты выучился быть наваждением. С тех пор ты позволяешь всем кому не лень – людям, богам, другим Вершителям – снова и снова придумывать тебя. А в те дни, когда тебя звали Али, ты был моей собственной прихотью. Я выдумал тебя, чтобы ты помог мне справиться с Мухаммедом, а Мухаммеду – с дэвами, драконами и прочими напастями, которые он сам же и выдумывал с удивительным проворством. Разумеется, они тут же обретали плоть. Мухаммед был очень могущественным Вершителем. Лучшим из всех, кого мне доводилось видеть в деле... Хочешь сменить тему?

Я молча кивнул. К этому моменту я был почти уверен, что умру, если услышу еще хоть слово о своем славном прошлом. Или, чего доброго, действительно вспомню все эти вещи, о которых он начал говорить. Почему-то мне казалось, что это будет даже хуже, чем смерть.

Мой собеседник великодушно умолк. Я взял банку с тоником. Рука противно дрожала, но я собрался с силами, поднес жестянку к губам и мелкими глотками допил остатки горьковатого лимонада. Когда я поставил пустую банку на стол, рука вела себя вполне прилично. Так мило с ее стороны.

– Ладно, – вздохнул я. – Может быть, все, что вы говорите, и все, о чем вы, к счастью, умолчали, – правда. Не хочу об этом думать. Не сейчас. Но в настоящий момент я не ощущаю себя таким уж могущественным существом. И как, интересно, я буду воскрешать этого вашего мертвого Мухаммеда, вести за собой солдат, готовых умереть за мою улыбку, отдавать приказы и все в таком духе? Куда уж мне.

– Об этом не беспокойся. Если ты примешь мое предложение, я передам тебе свою связку ключей от человеческих сердец – в дополнение к твоей собственной. Я хочу сказать, что тебе предстоит получить в дар мое могущество. Все или почти все.

– Могущество – обременительная штука, – откликнулся я.

– Твое – может быть. Но не мое. Тебе понравится, обещаю.

– Да? – удивился я. – Ну, поглядим... А что за воинство мне, собственно говоря, предстоит возглавить?

– Они просто люди, – мягко сказал Аллах. Немного подумал и добавил: – Мертвые люди. Те, кто уже давным-давно умер, и те, кто все еще жив. Но их дух спит так крепко, что их тоже можно считать мертвыми.

– А те, чей дух не спит?

– О, таких немного. Они-то как раз и будут твоими противниками в Последней битве. И еще те существа, которых люди называют «богами».

– Ого! Выходит, вы предлагаете мне стать предводителем «темных сил»? Вот уж спасибо, выразить не могу, как вы меня растрогали!

– Не болтай ерунду, – сухо сказал Аллах. – Нет ни «темных», ни «светлых» сил, нет никакой битвы «добра» со «злом». Это только у людей, среди которых ты довольно долго отирался, есть старая как мир глупая история о том, как «хорошие парни» сражаются против «плохих парней». Но эта младенческая сказка не имеет никакого отношения к реальному положению вещей. Нет ни «плохих», ни «хороших» парней. Есть только мертвые и живые. В нашем случае – не просто живые, а бессмертные.

– Ну, на мой вкус, мертвые парни – это и есть плохие парни, – сердито сказал я. – А бессмертные – хорошие. По-моему, все очень просто. Я, знаете ли, ненавижу смерть во всех ее проявлениях.

– Именно поэтому я рассчитываю на твое согласие, – Аллах упорно гнул свою линию.

– Ну и напрасно. Чего я точно не собираюсь делать, так это возглавлять армию мертвецов, и уж тем более «мертвых духом». Пусть себе катятся ко всем чертям, но без моего участия.

– Сначала дослушай, – попросил он. – Как ты думаешь, зачем вообще потребовалось затевать эту Последнюю битву?

– Понятия не имею. Может быть, непостижимые силы, от которых зависит сценарий всего происходящего, обожают батальные сцены. А может быть, они просто решили, что так роман- тичнее.

– Не без того, – совершенно серьезно согласился Аллах. – Но есть еще кое-что. Видишь ли, для мертвецов, населяющих эту прекрасную землю, эта битва – единственный шанс стать живыми.

– Как это?

– Сам не знаю, как. Речь идет о настоящем чуде, в сравнении с которым все прочие чудеса – всего лишь прикладная магия для кухонного пользования. Мертвые станут живыми, а бессмертные встретятся лицом к лицу со своей смертью. Вышло так, что именно у тебя есть шанс привести их на порог величайшего из чудес, а потом отойти в сторону и посмотреть, что из этого выйдет. Ты же из тех ребят, которые всегда отходят в сторону в конце каждой истории, верно?

Я невольно улыбнулся, потому что это было чистой правдой. И вдруг понял, что почти готов согласиться на предложение этого красавчика.

– Ладно, – вздохнул я. – Предположим – только предположим! – что я соглашусь участ- вовать в этой безумной затее. Но что бы вы там ни говорили о моей удивительной природе, мне по-прежнему кажется, что я – вполне обычный человек, из костей, мяса, сухожилий и прочей ненадежной чепухи. Я не бессмертный и не мертвый, ни телом ни духом – во всяком случае, я на это здорово надеюсь. Вам не кажется, что у вашей армии будет слишком уязвимый военачальник?

– А, ну это просто уладить, – отмахнулся Аллах. – Я могу подарить тебе очень много жизней. Не бесконечно много, но до конца кампании хватит. Что ты скажешь о таком числе? – он постучал ухоженным длинным ногтем по краю белой пластмассовой пепельницы, установ- ленной в центре стола.

Только теперь я заметил, что на дне пепельницы нарисованы три аккуратные темно-синие шестерки.

– Ничего себе! – ухмыльнулся я.

– Это смешное число? – удивился мой собеседник.

– Еще бы, – подтвердил я. – Никогда не приходило в голову, что в один прекрасный день мне предложат заделаться Антихристом. Да уж, нечего сказать, нашел себе халтурку на выходные.

– Антихрист – это термин из христианской религии? Ну да, припоминаю, кто-то вроде нашего Даджжала... – зевнул мой собеседник. И с неподдельным интересом спросил: – А вот что такое «халтурка»?

– Работа, – я пожал плечами. – Просто работа, которую можно сделать за короткий проме- жуток времени, в перерыве между основными занятиями, получить деньги и смыться, прежде чем в построенном тобой доме начнет рушиться потолок.

– Очень хорошее определение, – уважительно сказал Аллах. – Да, примерно это от тебя и требуется. Но учти: «смыться» можно будет не раньше, чем «потолок» действительно начнет рушиться.

– Между прочим, я еще не дал согласия на эту авантюру, – напомнил я. – И не думаю, что...

– Не обманывай себя, Макс. Ты уже дал свое согласие, с самого начала. Если бы ты его не дал, тебе бы просто не позволили родиться. Мой разговор с тобой – обычная формальность. Заранее известно, чем он закончится, так что не растягивай это сомнительное удовольствие.

– Как это – не позволили бы родиться? – возмутился я.

– А вот так, – неопределенно объяснил он. – Как это всегда бывает.

– Между прочим, вы совершенно напрасно сказали, будто вам заранее известно, чем закончится наш разговор, – проворчал я. – Я уже почти согласился, а теперь... Теперь меня здорово подмывает сказать вам «нет».

– Говори, что хочешь, – мой собеседник хранил спокойствие. – Но учти, если ты сейчас откажешься, это не будет иметь никакого значения. Ты просто забудешь о нашей беседе, как забыл о прежних, – до поры до времени. Ты и сам не заметишь, как исчезнешь отсюда, окажешься дома и будешь совершенно уверен, что проснулся и не можешь вспомнить, что тебе снилось. А потом судьба снова приведет тебя сюда, и я появлюсь неизвестно откуда, и все начнется сначала. Мы с тобой ведем этот диалог чуть ли не с начала времен. Тебе еще не надоело?

Я был склонен полагать, что он говорит ерунду, разум мой шипел, как взбешенный кот: «Чушшшь!» – но мудрое, безгласное существо, по большей части дремлющее на илистом дне сознания, отлично знало, что Аллах говорит правду. Это существо знало и великое множество других, чрезвычайно полезных в данной ситуации, вещей. Но я не дал тяжелой волне воспоминаний накрыть меня с головой, поскольку был совершенно уверен, что это удовольствие будет стоить мне рассудка, если не жизни.

– Не нужно волноваться, – мягко сказал Аллах. – Ничего страшного не происходит. Наша встреча – просто часть твоей удивительной жизни, полной невероятных чудес. Ты же сам хотел, чтобы у тебя была именно такая жизнь, разве нет?

– Пожалуй, но...

– Никаких «но». Хотел – получай. Выпьешь еще кофе? – будничным тоном спросил он.

Я молча кивнул. Кофе его был воистину восьмым чудом света, и мне следовало пользоваться случаем.

– Ну вот и договорились, – подытожил мой работодатель.

Я открыл было рот, чтобы возразить, сказать, что ни о чем мы еще не договорились и вряд ли когда-нибудь договоримся. Но тут же захлопнул свою болтливую пасть, поскольку понял, что звуки, которые способны издавать мои голосовые связки, ровным счетом ничего не изменят. Не только нечленораздельное бормотание припертого к стенке человека, но и самые могущественные заклинания бессильны, когда судьба по-настоящему берет тебя за глотку и пинками гонит вперед, в предначертанное.

Мною овладело оцепенение, впрочем, довольно приятное. Оно не было похоже на обычную минуту слабости, сопровождаемую внутренним стоном: «делайте со мной что хотите». Просто до меня наконец-то дошло, что не следует тратить силы на попытки принять какое-то решение. Все давным-давно решено, приговор несправедлив, но по-своему прекрасен и обжалованию не подлежит. Поэтому я просто молчал и ждал – что теперь?

– Теперь тебе предстоит один официальный визит. Тебя ждет Сфинкс. Она стережет твое оружие.

– Именно «она»? – уточнил я. – А разве Сфинкс женского пола?

– Ну да, а какого же еще? – Аллах немного помолчал и добавил: – Вообще-то сумасшедшая кошка совершенно помешалась на своей любимой игре в загадки, но это не беда. Может быть, она тебя убьет – что с того? Ну, останется у тебя шестьсот шестьдесят пять жизней вместо шестисот шестидесяти шести, тоже мне, проблема.

– Но я не люблю, когда меня убивают, – возразил я.

– Просто у тебя еще никогда не было такого количества жизней в запасе. Кроме того, вполне может случиться так, что ты отгадаешь ее загадку. Время от времени они бывают настолько простыми – даже не верится! Словом, как-нибудь выкрутишься.

– А что потом? – с замирающим сердцем спросил я.

– Потом – по обстоятельствам. Скорее всего, тебе придется отправиться в Медину, чтобы призвать Мухаммеда, наступив на его могилу. Словом, сам увидишь. Только сделав первый

шаг, можно приступить к следующему. Ладно, все улажено, так что теперь я, пожалуй, могу попрощаться.

– Попрощаться? – удивился я. – Но вы собирались как-то передать мне свое могущество. И некую загадочную «связку ключей» от человеческих сердец...

– Они и без того принадлежат тебе, – улыбнулся Аллах. – Просто до сих пор у тебя не хватало пороку перевернуть свои кладовые. Ты бы здорово удивился, если бы узнал, на что можно наткнуться, взявшись за ревизию собственного имущества.

– А шестьсот шестьдесят шесть жизней? – недоверчиво спросил я. – Сомневаюсь, что они всегда были при мне. Я всегда очень остро ощущал собственную смертность.

– Твои шестьсот шестьдесят шесть жизней? Да, действительно, чуть не забыл, – согласился Аллах. Он взял со стола пепельницу и неожиданно сильным, молниеносным движением запустил ее в мою голову.

Последнее, что я запомнил, – его неестественно красивое бледное лицо, перекосившееся в жуткой, но бесшабашной ухмылке.

Я открыл глаза и огляделся. Под ногами искрился светлый песок, над головой расторопные распорядители текущего шоу уже натянули небесный тент цвета индиго. Как и джинсовая ткань, небесная синева изрядно поблекла под лучами южного солнца, выцвела до невнятной, но вполне обаятельной голубизны.

Наверное, было жарко, но в моем теле произошли какие-то удивительные изменения: о жаре я знал только теоретически, органы чувств равнодушно молчали. Я посмотрел на ослепительно-белый шар, застывший в зените, и обнаружил, что солнечный свет больше не заставляет меня щуриться: я мог бы часами смотреть на пылающее светило, если бы мне вдруг показалось, что это необходимо.

Я произвел беглый осмотр собственного тела, дабы выяснить, как обстоят мои дела. Дела обстояли довольно странно. Со мною что-то было не так. Вернее, со мной все было не так, и мне это нравилось, по крайней мере, пока.

Я сидел на теплом камне, словно специально созданном заботливой природой в полном соответствии со всеми тайными пожеланиями моей задницы. Ни одно из многочисленных мягких кресел, с которыми мне доводилось иметь дело на протяжении своей жизни, изобилующей короткими, но нежными встречами с удобной мебелью, не шло ни в какое сравнение с этим камнем.

Потом я с удивлением обнаружил, что мои плечи укутаны ярко-зеленым плащом. Знакомый, черт побери, оттенок. Неужели Аллах любезно одолжил мне свое барахлишко?

Понемногу, словно бы разгадывая кроссворд, я вспомнил наш разговор, его диковинное предложение, мои вялые попытки отвертеться от собственной судьбы и драматический финал собеседования: круглую белую пепельницу, стремительно летящую по направлению к моей горемычной роже.

Воспоминания не вызвали у меня никаких эмоций. Я подумал, что мне, пожалуй, следовало бы испугаться, потом – рассердиться, вспомнить о своей прежней восхитительной жизни, осознать, что она закончилась – скорее всего, безвозвратно! – и взвыть от боли и отчаяния.

Я немного подождал и понял, что представления не будет – ни страха, ни гнева, ни тем более отчаяния. Бедняги Макса, способного испытывать все эти немудреные переживания, больше не было. А если он и имелся в наличии, то тихонько сидел в самом темном уголке моего сознания и молчал в тряпочку. Оно и к лучшему.

– Все уже случилось, – равнодушно сказал я сам себе. – Ты уже ввязался в эту заварушку, так что ничего не попишешь. Бедняга мексиканец – боюсь, я так и не успел заплатить по счету! Сомневаюсь, что герр Аллах потрудился исправить положение. Боги – безответственный народ.

Потом я замолчал, поскольку обнаружил, что мне больше не требуется говорить с собой вслух, чтобы успокоиться. Я и без того был спокоен, как удав, переживший крольчатину. Несколько минут – или дней? – я просто любовался сияющими песчинками под ногами, а потом обратил внимание на свои руки, аккуратно сложенные на коленях. Они показались мне чужими, но я никак не мог сообразить, в чем, собственно, разница. Поднес их к лицу. Это пустяковое движение стоило мне титанических усилий. Некоторое время я зачарованно рассматривал собственные верхние конечности, а потом наконец понял, в чем дело, и криво ухмыльнулся: на моих ладонях больше не было никаких линий. Вообще ни единой черточки.

– Допрыгался, поздравляю! – насмешливо сказал я себе. – Ну и куда ты подевал свою линию Жизни? Я уже не говорю о линиях Головы, Сердца и Печени заодно. Твоя мама была бы очень недовольна: она так старалась, рожала твое тело, а ты за ним совсем не следишь. Как еще голова на месте...

От внимательного изучения собственных рук меня отвлек слабый порыв ветра, нежно погладивший волосы на моей макушке. Я поднял глаза и увидел, что надо мной кружит крошечный самолетик, искусно сделанная миниатюрная модель двухместного аэроплана времен Первой мировой войны. Я успел разглядеть надпись на борту: голубую букву «А» и цифру «6», большие сине-бело-красные круги на серебристых крыльях и рисунок на хвосте – смешного черного кота с желтым бантом на шее. Опылительные знаки свидетельствовали, что прототип игрушки в свое время мужественно сражался за честь британской короны.

Рот мой изумленно распахнулся. Я был готов к чему угодно, но только не к встрече с игрушечным самолетиком в самом сердце какой-то дурацкой пустыни – собственно, я даже не представлял, какой точке на карте соответствует это место. Впрочем, природа в конце концов взяла свое, и я неудержимо расхохотался вслед стремительно улетающему прочь недоразумению.

Афина лихо посадила аэроплан на плоскую вершину столовой горы. Такие горы встречаются только в Эфиопии; местные жители называли их «амбами» – в те благословенные времена, когда здесь еще были местные жители.

С некоторых пор Олимпийцы вбили в свои неразумные головы, что на земле нет иных мест, пригодных для жизни. К тому времени, когда я решил присоединиться к их компании, они прочно обосновались на амбах, каждый на своей, со слугами и домочадцами – так тут принято называть нахлебников из числа смертных, которым хватило ловкости и удачи расположить к себе одного из богов. Я заметил, что Олимпийцы привязываются к этим захребетникам и относятся к ним не в пример снисходительней и великодушней, чем к собственным родичам, то есть, чем друг к другу.

Впрочем, у Афины нет никаких домочадцев: она любит говорить, что не нуждается в компании прихлебателей. Порой мне кажется, что она и общество равных себе едва терпит – что ж, могу ее понять.

Правда, иногда к ней в гости заглядывает бродяга по имени Улисс. Хотел бы я знать, чем он занимается в перерыве между этими короткими визитами. Я бы не удивился, выяснив, что он зарабатывает себе на хлеб, латая сапоги моего бывшего побратима Локи. По крайней мере, рожка у него такая же хитрая. Улисс мне не слишком нравится, но следует признать – в нем ненамного больше человеческого, чем в самой Афине, хотя сам он почему-то упорно называет себя одним из смертных.

По мне, так его давно следовало бы отправить в Хель и забыть, где его могила, – все лучше, чем ломать себе голову, гадая, что за пакость он сейчас обдумывает. Но это не на шутку опечалило бы Афины. Улисс ее обожает, доверчиво смотрит ей в рот и охотно верит каждому слову, хотя сам непрерывно врет – и ей, и прочим, и, кажется, самому себе, все глубже увязая в паутине собственных незатейливых хитростей.

Но бродяга Улисс уже давно не совал к нам свой хитрющий нос. Так что теперь я – единственный гость Афины. Впрочем, нашу жизнь не назовешь уединенной – на ее амбе полным-полно Любимцев и Хранителей, как и у каждого Олимпийца. Честно говоря, даже я до сих пор не могу постичь диковинную суть этих тварей.

...Мои ноги наконец-то ступили на твердую землю, и это было чертовски приятно.

– Ты совсем не бережешь свою летающую машину. И своих пассажиров, – сказал я Афине. – Эта посадка души из меня встрясла.

– Сомневаюсь, что у тебя есть душа, – рассмеялась она.

Иногда эта сероокая мелет что ни попадя, как перепивший браги берсерк.

Она спрыгнула на землю, окинула хозяйским глазом окрестности, рассеянно погладила черного кота, нарисованного на хвосте аэроплана, – словно кот был живым существом, настоящим зверем, способным обрадоваться ее ласке, – и уставилась на меня.

– Между прочим, я тебе уже сто раз говорила, что мой аэроплан – не какая-нибудь безымянная «летающая машина». Его зовут Бристольт, а если хочешь показаться ему учтивым, к имени «Бристольт» следует добавлять «Эф два Бэ Файтер». Уж не знаю, что означает «Эф два Бэ», но «Файтер» переводится как «истребитель». Прекрасное имя.

– Того парня он тем не менее так и не истребил, – ухмыльнулся я.

– Какого парня? – любопытствовал Дионис. Он уже давно стоял за моей спиной, выжидая удачный момент, чтобы вмешаться в нашу беседу.

На сей раз его лицо не являло миру ничего выдающегося. Кажется, эта помятая рожа принадлежала какому-то шуту или, как говорят Олимпийцы, «комедийному актеру», – но я еще не опустился до того, чтобы убивать свое время на созерцание иллюзорных событий ничемной человеческой жизни, именуемых «кинематографом», а посему не мог сказать наверняка.

Эти дурни Олимпийцы совершенно помешались на кинофильмах. Безумная страсть Афины к обличью Марлона Брандо – это еще цветочки, ее родичи меняют облик чуть ли не по дюжине раз на день. Их лица не соответствуют моим представлениям о том, как должны выглядеть боги, но вразумлять их бесполезно.

– Что ты здесь делаешь, Бромий? – удивилась Афина. – Решил помочиться в мой бензобак? Очень мило с твоей стороны, но ты же знаешь, я предпочитаю традиционное топливо.

– Я просто зашел в гости, – объяснил он. – Мы редко ходим друг к другу в гости, и это не есть хорошо.

– Тебе не хватает повода устроить вечеринку?

– Ну, положим, самые лучшие вечеринки устраиваются без всякого повода, – возразил Дионис. – Уж поверь мне на слово, дорогая. Или ты сейчас «дорогой»? С тобой никогда не знаешь, как остаться вежливым... Так какого это парня вам не удалось истребить?

– Да так, один мираж в пустыне, – отмахнулась Афина. – Бедняга Игг наконец-то встретил своего легендарного великана Сурта. Правда, пока без огненного меча. Очень симпатичный великан. Да и не великан он вовсе.

– Какого великана? – ошалел Дионис.

– Какого, какого... Ты слишком много пьешь и слишком мало читаешь, Сабазий. Вот если бы ты выбрал время порыться в гнилье, которое хранит в своем изголовье наш общий друг, – последовал шутливый поклон в мою сторону, – ты бы уже знал, кто такой великан Сурт и зачем ему огненный меч.

– У каждого свой способ коротать время, – пожал плечами Дионис. – Перестань браниться, Паллада. Я прилетел сюда, чтобы угостить тебя лучшим вином, какое только можно найти под этим гаснущим небом. И я буду рад, если ты, Один, не станешь говорить, что спешишь удалиться, ибо твое общество всегда доставляет мне радость.

– Ну хоть кому-то мое общество доставляет радость, – проворчал я. – Спасибо на добром слове, Дионис.

– Что за странная идея – устраивать вечеринку именно на моей амбе. Слетал бы ты к нашему папочке, Бахус. Уж он-то всегда готов повеселиться, – вздохнула Афина.

Впрочем, лицо Марлона Брандо показалось мне вполне довольным. Было совершенно ясно, что у Афины нет серьезных возражений против дружеской пирушки. Просто не в ее правилах говорить «спасибо» тому, кто пришел к ней с открытым сердцем. Дионис знал свою сестрицу не первый день, а потому не обиделся.

– Что касается нашего отца. С тех пор как Зевс облюбовал для себя дряхлое тело какого-то русского правителя, не так давно переправившегося через Стикс, с ним стало совершенно невозможно иметь дело, – пожаловался Дионис. – Во-первых, он очень неразборчиво говорит. Впрочем, это даже к лучшему, поскольку Зевс больше не полагается на импровизацию, а зачитывает вслух заранее написанные речи. Если учесть, что тексты выступлений пишет не он, а его очередной мальчик из смертных, да еще и журналист по профессии – можете себе представить, что это за речи! И вообще, видеть Вседержителя с этими дурацкими, словно бы наклеенными, черными бровями, в каком-то жутком одеянии, с кучей блестящих значков на груди... Сразу вспоминаешь, что мы на пути в Тартар, да еще и думаешь: «скорее бы!» Видишь ли, Паллада, я не любитель напиваться с горя. Встреча за чашей вина должна быть радостной... Поговорила бы ты с ним, что ли.

– О чем? – пожала плечами Афина. – Зевс имеет такое же право развлекаться, как и все мы. И если это ужасное, как ты говоришь, тело с бровями его забавляет – что ж, остается только порадоваться, что и на его долю выпало одно из скудных земных наслаждений.

– Да уж, умеешь ты обращаться со словами! – от души рассмеялся я. – «Одно из скудных земных наслаждений» – надо же!

– Но ему действительно кажется, что это хорошая шутка, – горько улыбнулась Афина. – Ты же знаешь, Один, мы все давно утратили разум. И не вина Зевса, что его безумие действует на нервы остальным. Ты предлагал нам немного повеселиться, Бахус? Что ж, ликуй, бездельник, я не стану возражать, если сегодня это случится именно на моей амбе. Присоединись, Игг?

– Почему бы и нет? Не так уж часто мне доводится бразничать в твоей компании. А скоро всем нам станет не до этого.

– Передать тебе не могу, как меня это радует, – твердо сказала она. – Если уж нам суждено погибнуть в Последней битве, пусть так, ничего не напишешь. Все лучше, чем сходить с ума от праздности и томительного ожидания. В общем, я даже рада, что этот твой великан Сурт уже в пути.

– Вы так и не объяснили мне, что это за «великан Сурт» такой, – напомнил Дионис. – И откуда он взялся? И почему ты, Один, выглядишь так, словно твоя жизнь уже закончилась, а Паллада сияет, как новенький щит из кузницы Вулкана?

Я не хотел говорить на эту тему. Верил, как встарь, что слова не просто предшествуют деяниям, но и являются истинной первопричиной событий. И втайне надеялся, что мое молчание станет могильным курганом тому, о ком я не стану разглаживать.

Как юный, безбородый, беспутный скальд, вел я себя в те дни.

– Потому что... А Хель его знает почему!

Я сидел на камне и размышлял о предстоящей встрече со Сфинксом.

Аллах говорил, что эта тварь стережет некое таинственное оружие, которое якобы является моей частной собственностью. Оставалось надеяться, что легендарная кошка не согревает своим волшебным задом вход на какую-нибудь секретную военную базу. Только бегать по пустыне с атомной бомбой под мышкой мне не хватало.

Я лениво улыбался своим дурацким мыслям и силился понять: а как, собственно, я буду ее разыскивать?

Но она пришла сама. Бесшумно подкралась сзади и положила мне на плечо мягкую, тяжелую кошачью лапу.

Я обернулся и изумленно покачал головой: фантастический облик этого существа вполне мог бы оказаться последней каплей, способной подточить бастион моего здравого смысла, если бы этот самый бастион не сдался без боя еще до нашей встречи.

Она была далеко не такая огромная, как мне почему-то казалось в те благословенные времена, когда я не назначал свидания сфинксам и вообще считал их персонажами древних мифов. Раза в полтора крупнее африканского льва. Лицо у нее было вполне человеческое – заурядное, некрасивое лицо немолодой женщины. Грузное, мускулистое кошачье тело самым нелепым образом дополнялось обыкновенным дамским бюстом, изрядно обвисшим, – честно говоря, на ее месте я бы непременно постарался прикрыть эту несказанную красоту какой-нибудь тряпочкой. Сфинкс в бюстгальтере, надо думать, дикое зрелище, но хуже, чем есть, трудно представить.

Впрочем, она не была лишена своеобразного шарма. Обаянием такого рода обладают некоторые школьные учительницы с неустроенной личной жизнью. Вроде бы совершеннейшие стервы, но что-то неопишное прячется на дне их шальных глаз. Обменяешься с такой взглядом и вдруг с изумлением понимаешь, что дорого дал бы за одну-единственную улыбку этой издерганной тетки. Почему – неведомо.

Голос у нее тоже был вполне учительский. Хорошо поставленный голос человека, привыкшего выступать перед большой аудиторией. Интересно, откуда у Сфинкса могла взяться аудитория? Неужто ящерицам да тарантулам проповедовала?

– Ну вот ты и пришел ко мне, Владыка, – объявила она, с интересом оглядывая меня с ног до головы. – Откровенно говоря, я предполагала, что это случится гораздо раньше.

– Извините, я был занят! – фыркнул я.

Странное существо совершенно не оценило мою иронию. Оно равнодушно кивнуло и устало опустилось на песок. Я решил брать быка за рога и приступил к первому раунду переговоров.

– Мне сказали, что вы храните какое-то оружие...

– Не «какое-то», а твое собственное оружие, Владыка. Ты сам отдал мне его в начале Смутного Времени и просил посторожить, пока ты не вернешься.

– Правда? – удивился я. – А вы уверены, что это был именно я? Я, конечно, рассеянный, но не настолько же...

– Разумеется, ты все забыл, – согласилась она. – Так было предначертано. Но теперь ты пришел ко мне, чтобы все вспомнить. Я тебе помогу, Владыка.

– А если я не хочу ничего вспоминать?

– Я знаю, что не хочешь. Но иногда случается так, что желания не принимаются в расчет. Даже твои желания, Владыка.

– Почему ты называешь меня «владыкой»?

– Потому, что мы были знакомы в те времена, когда ты безраздельно владел всем, что встречалось на твоём пути. Теперь эти времена начинаются снова, Владыка. Ты не рад?

– Счастлив, как слон после трехведерной клизмы, – проворчал я, отворачиваясь от Сфинкса.

Золотой блеск ее кошачьих глаз беспокоил меня, как назойливое прикосновение шершавой руки к обожженному солнцем телу. И знаешь, что вроде бы ничего страшного не происходит, но, вопреки здравому смыслу, чувствуешь, что с тебя медленно снимают кожу.

– Ты помнишь загадку, которую загадал мне перед тем, как уйти? – спросила она.

– Как я могу помнить какую-то загадку, если не помню всего остального?

– Это была очень смешная загадка, Владыка. Даже мне тогда стало смешно, хотя в те дни меня печалила предстоящая разлука с тобой. История про юношей, склонных к мужеложству... Неужели не помнишь?

– Час от часу не легче! – От неожиданности я рассмеялся, так неудержимо, словно делал это в последний раз. – Что за история?

– Множество юношей предаются мужеложству, выстроившись в ряд, один за другим. Каждый ублажает впереди стоящего, в то время как его самого ублажает стоящий позади. Вопрос заключается в том, кто из них счастлив в большей степени, нежели остальные?

Я ошеломленно уставился на диковинную тварь с лицом усталой женщины. Так вот она, знаменитая «загадка Сфинкса»!

– И эту дурацкую историю ты рассказывала всем беднягам, встречавшимся на твоём пути?

– Некоторым. Твоя загадка хороша, но скучно всякий раз талдычить одно и то же.

– Ну и как, хоть кто-то ответил на этот вопрос вопросов? – ехидно осведомился я.

– Да, один ответил. Не могу вспомнить его имя – Эдвин? Эдди? Что-то в таком роде.

Я схватился за голову.

– А ты так и не вспомнил ответ? – поинтересовалась моя собеседница. – Если ты не сможешь разгадать загадку, мне придется тебя убить. Ты сам просил меня об этом, Владыка, так что без обид!

Я посмотрел в ее равнодушные желтые глаза и с ужасом понял, что так оно и будет. Эта тварь убьет меня, не задумываясь. Какой бы идиотской шуткой ни казался мне наш бредовый диалог, но в его финале зримо маячила самая настоящая, взаправдашняя смерть. Я затылком ощущал ее возбужденное дыхание: надо думать, смерть предпочитала ту же позицию, что и герои загадки, эти самые «юноши, склонные к мужеложству».

Где-то на задворках сознания все еще копошилась смутная надежда: мне же обещали, что у меня в запасе шестьсот с лишним жизней! Но это знание не имело прикладного значения; во всяком случае, оно не избавляло меня от ужаса. Увы, я еще в детстве успел обзавестись дурной привычкой всегда готовиться к худшему.

– Так кто же из этих распутных юношей счастлив более, нежели другие? Я жду ответа, – настойчиво сказало чудовище.

В моей голове мелькнула догадка, показавшаяся мне спасительной.

– Последний! – выпалил я. – Потому что...

Я осекся, поскольку понял, что сказал чушь.

– Ты ошибся, – подтвердила Сфинкс. – Если бы ты знал толк в наслаждениях такого рода, ты бы сразу понял, что тот, кто стоит позади, испытывает гораздо меньше удовольствия, чем его товарищи. Ты так и не смог вспомнить свою собственную любимую шутку, какая досада! Ты вообще ничего не смог вспомнить и, боюсь, никогда уж не сможешь. Что они сделали с тобой, Владыка?

– Кто – «они»?

– Люди. Страшные, скучные существа, населяющие эту прекрасную землю, – неохотно сказала она, поднимаясь с земли. Сделала несколько шагов и остановилась рядом со мной. – От тебя совсем ничего не осталось, Владыка. Хорошо, что ты сам просил меня убить тебя, если так случится. По крайней мере, мне не придется терзаться угрызениями совести.

– Не мог я просить о таком, – запротестовал я, безуспешно пытаясь подняться с камня. Мне казалось, что я все еще могу убежать, но мое тело почему-то не пожелало принимать участие в этой затее.

– Прощай, Владыка. И не бойся. По большому счету ты уже давным-давно умер, так что мой поступок – пустая формальность, – нежно сказала чудовищная тварь, опуская на мои плечи мягкие, тяжелые лапы. Их тяжесть становилась невыносимой, и я вдруг вспомнил, что

слово «сфинкс» на одном из древних языков означало «душитель». Эта тварь была рождена для того, чтобы душить в своих горячих объятиях всех, кто под лапу подвернется, – ну и повезло же, нечего сказать!

Мне больше не было страшно. Наверное, страх существует лишь до тех пор, пока остается надежда на спасение. Больно мне тоже не было, только жарко, невыносимо тяжело и очень противно: тело Сфинкса пахло, как тело животного, а кожа оказалась дряблой, сухой и шершавой, как дешевая оберточная бумага. Убийство, как ни крути, разновидность физической близости, и если бы мне дали возможность самому выбрать себе палача, у этой потасканной тетки-кошки не было бы ни единого шанса.

И вдруг все это безобразие внезапно закончилось, словно бы невидимая могущественная рука повернула некий хитроумный выключатель. Я с изумлением обнаружил, что стою в нескольких шагах от мифической твари. В ее смертельных объятиях все еще корчилось отлично знакомое мне тело в ярко-зеленом плаще.

Впрочем, точно такой же зеленый плащ по-прежнему укутывал мои плечи. Ладно бы плащ – плечи и прочие телесные подробности тоже были вполне настоящие. Не какие-нибудь клочки неосязаемого тумана, из которого сотканы незримые тела призраков... А вот что касается тела, гибнущего в лапах Сфинкса, я здорово сомневался в его реальности.

Впрочем, судьба этого куска бесполезного мяса была мне совершенно безразлична. Мертвая плоть, ставшая добычей нелепого существа, которое когда-то было моим спутником, чем-то вроде верного слуги, разумной говорящей собаки, не имела ко мне никакого отношения. В тот миг я очень хорошо знал, кто я такой, каким образом устроен и зачем живу на этой прекрасной земле. Хитроумная головоломка бытия вдруг сама собой сложилась в моих неумелых руках, и мне оставалось лишь удивляться: как можно было прожить столько лет, не ведая, что творю? Никогда прежде и, увы, никогда впоследствии мне не удавалось привести мудреные формулы собственной судьбы к столь ясному и четкому общему знаменателю; Впрочем, распорядиться этой находкой мне так толком и не довелось: такие сокровища невозможно хранить на поверхности сознания. Они стремительно опускаются на самое дно, погружаются в темный ил бессловесного, пассивного знания – поди отыщи их потом! Только и радости вспоминать, что вот ведь, держал в руках сокровище, и сияние его хоть на краткий миг, да отразилось в зрачках...

Впрочем, и этого оказалось более чем достаточно.

– Брось это тело, – велел я Сфинксу. – Дай ему спокойно исчезнуть. Только мертвых двойников мне не хватало!

Золотые глаза изумленно уставились на меня.

– Ты жив, Владыка?

– Разумеется, жив. Может быть, во Вселенной найдется пара-тройка существ, у которых есть шанс положить конец безобразию, именуемому моей жизнью, но ты не из их числа, радость моя.

– «Радость моя»? Ты называл меня так раньше. Ты все вспомнил, да? – залепетала она, послушно убирая лапы с горла моей мертвой копии.

Неподвижное тело растаяло, как сосулька на жаровне. Впрочем, от него не осталось даже нескольких капель воды. Вообще ничего.

– Не вспомнил. Память тут, пожалуй, ни при чем. Просто раньше я знал о себе одни вещи, а теперь – совсем другие. Не думаю, что какая-то из версий более правдива, чем другая. На мой вкус, обе – то еще наваждение. Но нынешнее сулит куда больше увлекательных возможностей. Кстати, если я что-то и вспомнил, так это ответ на твою дурацкую загадку. Когда-то я действительно носился с этой глупой шуткой, даже тебе пришлось ее выслушать. Полагается ответить, что особенно повезло тому, кто стоит вторым в этом ряду, поскольку помимо

всего прочего он может возложить свои руки на чресла того, кто стоит впереди. В ту пору я действительно считал, будто это очень смешно – надо же!

– Ты все вспомнил! – некрасивое лицо Сфинкса расплылось в блаженной улыбке. Она смотрела на меня с такой нежностью, словно я только что пообещал на ней жениться.

Я, к слову сказать, давно заметил, что положительные эмоции далеко не всегда делают людей привлекательнее. Некоторым лицам счастливые улыбки вообще противопоказаны. В том числе и моей подруге, увы...

– Было бы что вспоминать, – вздохнул я, усаживаясь на тот самый камень, где мне только что пришлось умереть.

Чувствовал я себя, надо сказать, более чем странно. Так хорошо мне еще никогда в жизни не было. И при этом у меня не хватало сил, чтобы справиться с собственным не в меру замечательным самочувствием. Возможно, мне просто недоставало соответствующего опыта, как человеку, который всю жизнь довольствовался какой-нибудь ржавой развалюхой и вдруг на старости лет пересел за руль лимузина.

Но я призвал себя к порядку и с горем пополам справился.

– Ну и где же мое волшебное оружие? – спросил я.

– Теперь твоя очередь загадывать мне загадки, Владыка. Если я смогу найти ответ, твое оружие останется у меня. А если не смогу, с радостью отдам тебе все, что у меня есть. Таковы правила игры.

– Ладно, будут тебе загадки. Вот первая: *висит на стене зеленое и пищит*. Что скажешь?

Сфинкс озадаченно уставилась на меня прекрасными золотистыми глазами. Я самодовольно ухмыльнулся, поскольку был совершенно уверен, что никакая мудрость веков не поможет ей справиться с абстрактными шутками моего школьного детства. Загадку такого рода вообще невозможно разгадать, если не знать ответ заранее.

– А ты не мог бы повторить свой вопрос? – попросила она. – Может быть, я не так тебя поняла...

– Да пожалуйста: висит на стене зеленое и пищит. Ну как, радость моя, догадалась, что это?

– Я не знаю, – печально призналась Сфинкс.

– Селедка! – торжествующе выпалил я.

– То есть рыба? А почему эта рыба висит на стене? – изумилась она.

– Потому, что я ее повесил.

– Но почему она зеленая?

– Потому, что я ее покрасил! – Я даже зажмурился от удовольствия.

– И почему же она пищит? – На лице Сфинкса была написана неподдельная мука.

– Чтобы не догадались! – объявил я, в полном соответствии с каноническим текстом.

– Ты стал мудрее, Владыка! – уважительно заметила Сфинкс. – Прежде ты никогда не загадывал мне таких трудных загадок.

Я самодовольно рассмеялся и спросил:

– Ну и где мой кубок чемпиона?

– У меня нет твоего кубка. Ты мне его не оставлял, – встревожилась она.

– Посуда мне без надобности. Я имел в виду свое оружие. Ты же обещала, что отдашь его, если не сможешь ответить на мой вопрос.

– Возьми, Владыка.

Грациозным движением кошачьей лапы она извлекла из небытия изящный образец холодного оружия.

– Что за сабля такая? – спросил я, уважительно прикасаясь к рукояти.

– Это же твой ятаган. Когда-то ты сам дал ему имя «Тысяча молний», неужели не помнишь? – огорчилась Сфинкс.

Я нетерпеливо отмахнулся. Меньше всего на свете мне сейчас хотелось обсуждать с нею скверное поведение моей памяти, то сбивающей меня с ног очередной лавиной ярких фрагментов какой-то совсем иной жизни, то заботливо укрывающей эти феерические сцены теплым одеялом забвения.

– Лучше просто расскажи, как с ним обращаться. Так положено, – строго сказал я.

Когда имеешь дело с такими въедливыми тетками, идиотская формулировка: «так положено», – обычно работает эффективнее самого заковыристого заклинания. И точно, Сфинкс деловито кивнула и принялась меня инструктировать.

– Если ты извлечешь свой ятаган из ножен и взмахнешь им над головой, призывая смерть, из него вылетят маленькие смертоносные лезвия, подобные огненным искрам, столь же прекрасные, сколь беспощадные. Они сами найдут твоих врагов в любой толпе, поразят их и вернутся обратно.

– Так что, мне и делать ничего не придется, только вынуть его из ножен? – уточнил я.

Это было как нельзя более кстати: фехтовальщик из меня тот еще. Мягко говоря, не мушкетер короля. Даже, увы, не гвардеец кардинала.

– Вынуть из ножен и еще – взмахнуть над головой, призывая смерть, – педантично уточнила моя наставница.

– Отлично, – кивнул я. – Это все, или у тебя еще что-то имеется?

– Все-таки память по-прежнему подводит тебя, Владыка. Разумеется, это далеко не все. Неужели ты думаешь, будто обходился одним ятаганом?

– А почему нет? Вообще-то я аскет каких еще поискать. Хочешь еще загадку?

Сфинкс энергично закивала.

– Ладно, – ухмыльнулся я, – сделаем! *Стоит в огороде черный, на трех ногах.* Что это?

– Трехногий нубиец? – нерешительно предположила Сфинкс. – Я слышала, что в древности эта пустынная земля порождала еще и не таких чудовищ...

– Обойдешься! – фыркнул я. – Это рояль.

– Но почему он стоит в огороде? – Сфинкс морщила высокий лоб, мучительно пытаясь постичь логику этой идиотской загадки – логику, которой отродясь не было.

– Потому что это мой рояль. Куда хочу, туда и ставлю!

– За время нашей разлуки ты стал совершенно непредсказуемым, Владыка, – отметила она. – Возьми свое сокровище, ты опять выиграл.

К моим ногам лег щит из неизвестного мне светлого металла. К нему был накрепко привязан длинный кожаный шнур. Второй конец шнура деловито елозил по песку. Можно было подумать, что этот шнур – щупальце живого существа, которое пытается освоиться в незнакомой обстановке. Я поднял щит и недовольно поморщился.

– Тяжелый какой.

– Его вес не имеет значения, Владыка. Это же летающий щит Змея. Привяжи свободный конец шнура к своему поясу, и щит сам последует за тобой. Он будет всегда следить за тобой и прикрывать тебя от вражеских стрел и копий – и в пути, и в бою, и ночью, когда ты решишь отдохнуть.

– Полезная вещь, – одобрительно заметил я, привязывая свободный конец шнура к поясу своих джинсов – подумать только, я все еще был в джинсах! А что, нормальный походный костюм будущего предводителя «воинства тьмы».

Щит тут же зашевелился; мне показалось, что он озабоченно огляделся по сторонам. Наконец волшебный предмет воспарил, как и было предписано.

– Да, ничего себе воздушный шарик, – невольно рассмеялся я. – А он шустрый? Я имею в виду: если мне попадется какой-нибудь особо умелый враг... Судя по всему, я стал вполне бессмертным, но лишние шрамы на роже все равно ни к чему. Мне еще жить потом с этой самой рожей.

– Проворство этого щита было воспето в легендах, – заметила Сфинкс.

– Правда? – удивился я. – Что-то не помню никаких легенд об этой игрушке, а ведь столько книжек прочитал. Ну что, хочешь еще загадку? Или ты уже пас?

– Пожалуй, мне лучше воздержаться от состязания с тобой, Владыка, – решила она. – Твои странные вопросы лишают меня душевного равновесия. Правда, у меня хранится еще одно твоё сокровище. Думаю, оно тебе пригодится, поэтому я отдам его просто так, без загадок.

– Вот и умничка, – усмехнулся я. – Сразу бы так.

– Я просто старалась соблюсти ритуал. Но ты и раньше не слишком почитал ритуалы, Владыка.

– Надо думать. Ну, что там еще за сокровище?

– Оглянись, Владыка. Он уже пришел.

Я обернулся и увидел, что позади меня стоит белоснежный дромадер. Его морда, от природы унылая и надменная, как все верблюжьи морды, очень старалась соответствовать лучезарному настроению своего обладателя. Похоже, этот огромный нелепый симпатяга был по-настоящему рад нашей встрече.

– Раньше ты любил ездить на нем, Владыка, – на всякий случай напомнила Сфинкс. – Но если ты захочешь, он может стать чем-то другим: конем или птицей, или...

– А автомобилем?

– Всем, чем захочешь, – заверила она.

– Ладно, пусть пока остается верблюдом, – решил я. – Грех такого симпатягу сразу во что-то превращать. Надеюсь, что моего могущества хватит, чтобы усидеть на столь диковинном сооружении.

Огромная голова опустилась на мое плечо: надо понимать, дромадер обрадовался возможности сохранить свою изначальную форму.

– Надо бы придумать тебе имя, – приветливо сказал я зверюге. – В прежние времена ты отлично без него обходился, но все меняется, дружок. Думаю, Синдбад будет в самый раз. Во-первых, ты тоже путешественник и тебе предстоит великое множество приключений. А во-вторых, должен же быть в моей жизни хоть какой-то восточный колорит, если уж я работаю на Аллаха... Только твой тезка из сказки был мореходом, а ты у нас – Синдбад-пешеход. Что ж, давай попробую на тебя забраться.

Верблюд послушно улегся на песок, подождал, пока я устроюсь на его спине, а потом осторожно поднялся на ноги.

– Лучше, чем я думал, – удивленно сказал я. – Гораздо лучше. Ну что, дружок, пора немного прогуляться? Надеюсь, в отличие от меня ты знаешь, в какую сторону нам нужно.

– Твоя судьба ждет тебя на севере, Владыка, – подсказала Сфинкс. – Удивительно, сколько я тебя знаю, тебе всегда надо ехать куда-то на север.

– Это потому, что мы с тобой все время встречаемся на таком крайнем юге, что южнее уже некуда, – усмехнулся я.

– Может быть, ты не знаешь, Владыка, но с некоторых пор земля, по которой мы ходим, имеет форму шара, – доверительно сообщила Сфинкс. – Поэтому из любого места можно пойти на юг – кроме разве что Южного полюса, но там мы с тобой никогда не встречались.

– А ты уверена насчет шара? – Я изо всех сил старался сохранять серьезность.

– Совершенно уверена. И мне это не очень нравится. Вот в те времена, когда земля была плоской и покоилась на спинах слонов, все было иначе. По крайней мере, слонам можно было доверять, а иногда я даже отправлялась на край мира, чтобы побеседовать с этими мудрыми существами. А теперь мы вынуждены скитаться по поверхности шара, который пребывает в пустоте. Это пугает меня, Владыка!

Я только головой покачал. Оказывается, моя старинная приятельница была лично знакома со слонами, на чьих спинах когда-то покоился мир.

– У тебя есть какие-то приказания для меня, Владыка? – тоном отлично вышколенной секретарши спросила Сфинкс.

– Да нет, пожалуй, – я пожал плечами. – Считаю, что твой контракт закончен, радость моя! Твоя голова кружится от сладкого запаха грядущей свободы?

– Нет, – ответила она. – В моей жизни и без того хватало свободы. И еще одиночества. Ты не предложил мне ничего нового.

– А я и не собирался предлагать тебе ничего нового. Одиночество – наша общая участь, зато свобода – приз, который получают немногие счастливицы. Прощай, дружок. Да, и не нужно больше загадывать одиноким скитальцам эту дурацкую загадку про юношей, склонных к мужеложству. Лучше попробуй мои новые загадки. По крайней мере, они действительно смешные. А если тебе попадется кто-то из моих школьных приятелей – в чем я, честно говоря, здорово сомневаюсь! – у него будет шанс уйти живым из твоих нежных лапок.

– Не думаю, что мне еще когда-нибудь доведется встретить путника и загадать ему хоть одну загадку, – возразила она. – В этой пустыне и раньше было не слишком-толюдно, а уж теперь... Скоро ведь людей не останется вовсе. Для того ты и вернулся, я правильно понимаю?

– Поживем – увидим, – неопределенно хмыкнул я. – Прощай, киска!

– Постой, Владыка, – попросила она. – Ты должен знать еще вот что: мне было приятно убить тебя. Мое счастье было коротким, всего несколько секунд, но это лучше, чем ничего.

– Правда? – удивился я. – Неужели я был такой законченной сволочью?

– Нет, что ты, – вздохнула Сфинкс. – Но у меня были особые причины возненавидеть тебя. Когда-то ты заставил меня возникнуть из небытия, твое необузданное воображение придало мне этот уродливый облик, ты пожелал, чтобы в моем зверином теле поселились сердце настоящей женщины и ясный разум мудреца, – просто потому, что тебя это забавляло. А потом тебе все надоело, ты исчез, а мне пришлось несколько тысяч лет скитаться по этой пустыне, изредка развлекаясь беседой с заплутавшими путниками. Я тосковала по тебе, а теперь ты пришел и опять уходишь. Ничего не изменилось. Зачем все это?

– Чтобы было, – я пожал плечами. – В ту пору, о которой ты говоришь, мне действительно казалось, что этот прекрасный мир станет еще забавнее, если тут появится существо вроде тебя. Насколько я припоминаю, я много чего тогда натворил, и твое рождение, мягко говоря, не самая большая трагедия. Впрочем, если тебе так уж не нравится твое существование, можешь исчезнуть, я не против.

Несколько секунд я с равнодушным недоумением созерцал следы огромных львиных лап на сияющем песке. Сфинкса больше не было. Она исчезла мгновенно, я даже договорить не успел.

– Что ж, – вздохнул я, машинально поглаживая белую шерсть Синдбада-пешехода, – будем считать, что под этим великолепным небом никогда не бродили Сфинксы. Выдумки это. И, судя по всему, именно мои дурацкие выдумки.

Верблюд повернул ко мне свою потешную морду. У него были удивительно умные глаза, такие же золотистые, как у Сфинкса. Под его снисходительным взглядом я почувствовал себя напроказившим школьником.

А потом дромадер медленно зашагал по волнистой поверхности пустыни. Солнце стояло в зените, так что определить направление было совершенно невозможно. Но я мог поклясться, что умница Синдбад отправился именно на север – куда же еще?

Иногда моя судьба на время забывает о своей природной стервозности и делает мне удивительные подарки. Первые несколько дней путешествия по пустыне оказались как раз таким подарком – головокружительно, по-купечески щедрым.

Мои дни были полны сладкого одиночества, не замутненного ни воспоминаниями о прошлом, ни беспокойством о будущем, ни чьим-то утомительным обществом, ни даже физиче-

скими ощущениями. Палящие лучи полуденного солнца, обжигающий холод ночей, вынужденная неподвижность и ритмичное раскачивание верблюжьей спины не причиняли мне ни малейшего неудобства.

Немудрено: я почти отсутствовал, а потому испытывать ощущения было, можно сказать, некому. Впрочем, время от времени я все-таки ненадолго появлялся на поверхности, чтобы восхищенно оглядеться по сторонам и снова отступить в уютную тишину небытия.

Это продолжалось целую вечность. Впрочем, если бы кому-то пришло в голову измерить эту самую вечность числом солнечных закатов, она, пожалуй, оказалась бы одной коротенькой неделей.

Но один из закатов разбудил меня по-настоящему. Впрочем, меня вывело из оцепенения не буйство багровых сполохов на горизонте, а рев моторов аэроплана, который нахально пронесся буквально в нескольких метрах от моей макушки. Я вспомнил игрушечный самолетик, рассмешивший меня незадолго до встречи со Сфинксом – кажется, он был точной, но сильно уменьшенной копией этого самого аэроплана. Во всяком случае, я узнал сине-бело-красные круги на крыльях и черного кота с желтым бантом, нарисованного на хвосте: такое, пожалуй, ни с чем не перепутаешь.

Мой волшебный щит, о котором я уже успел позабыть – все эти дни он благополучно проболтался у меня над головой, – забеспокоился и полез меня защищать. Разумный предмет занял выжидающую позицию напротив моего лица и лишил меня возможности любоваться бантом на кошачьем хвосте. Через несколько секунд мой защитник убедился, что опасность мне не угрожает, и вежливо переполз повыше, но никакого аэроплана я уже не увидел, только мутное пятнышко, почти неразличимое на фоне серебристого неба.

– Да ты, брат, паникер! – укоризненно сказал я щиту. – Не дал мне посмотреть на самолетик.

Собственный голос порядком меня удивил: он оказался хриплым и безжизненным. Впрочем, я тут же понял, что просто давно им не пользовался. Думаю, еще никогда в жизни мне не удавалось молчать так долго.

Потом я с удивлением обнаружил, что меня наконец-то посетили простые человеческие желания: мне вдруг захотелось есть и спать. Да и просто размять ноги было бы неплохо. Хуже того, мне еще и в туалет приспичило.

– И что мне теперь делать, дорогие мои? – спросил я, обращаясь не то к щиту и верблюду, не то к непостижимым силам, управляющим ходом всех событий во Вселенной.

Ответа, разумеется, не последовало. Впрочем, Синдбад тут же послушно остановился и опустился на землю, чтобы дать мне возможность спешиться. Ноги мои поочередно ступили на светлый песок; к ним тут же присоединилась задница – надежные прежде задние конечности наотрез отказались удерживать тело в вертикальном положении. Отвыкли, надо полагать.

– Вообще-то, мне наверняка полагается какой-нибудь походный дворец с хорошей постелью и чистым сортиром, если уж я такой великий начальник, – мечтательно сказал я.

Ничего не произошло. Я, признаться, был разочарован, поскольку надеялся, что разного рода бытовые чудеса будут теперь твориться совершенно самостоятельно, мне и пальцем шевелить не придется. Тем паче что я так и не вспомнил, какими частями тела следует шевелить в подобных случаях.

Синдбад ткнул влажным носом в мое колено. Убедился, что я обратил на него внимание, и потянулся мордой к небольшому кожаному мешочку, висящему на его шее.

– Ты хочешь, чтобы я там порылся, да? – спросил я.

Верблюд энергично мотнул головой. В его глазах ясно читалось: «Умница!»

Я осторожно взял мешочек в руки, удивился его неожиданной тяжести, торопливо потянул тонкий шнурок. Шнурок, разумеется, тут же затянулся еще туже.

Следующую четверть часа я посвятил манипуляциям с завязками и наконец победил. В мешочке обнаружился небольшой кувшин, довольно небрежно вырезанный из цельного куска зеленоватого камня – не то нефрита, не то еще хрен знает чего; такого знатока минералогии, как я, конечно, еще поискать.

Я удивленно посмотрел на верблюда.

– И что я должен делать с этим сувениром? Поставить на книжную полку? Прости, милый, но мои книжные полки слишком далеко отсюда.

Теперь Синдбад наградил меня печальным снисходительным взглядом. «Ты, конечно, редкостный идиот, хозяин, но я тебя все равно почему-то люблю», – говорили его мудрые глаза.

Я снова повертел в руках кувшинчик, пытаюсь понять, на кой черт он мне сдался. Потом мне пришло в голову, что в этой непритязательной таре вполне может храниться какое-нибудь волшебное зелье.

Вдохновленный таким предположением, я снова принялся сокрушать свои многострадальные ногти. На этот раз им пришлось извлекать пробку из узкого горлышка сосуда. Сей бессмертный подвиг отнял у меня кучу времени, но в конце концов я справился.

Потом началось черт знает что, в лучших традициях малобюджетных фильмов-сказок времен моего детства. Стоило мне вытащить пробку, как из кувшинчика повалили густые клубы разноцветного дыма. Дым сопровождался мощной волной недвусмысленно скверного запаха. В довершение всех бед магический сосуд стал горячим, как закипающий чайник.

Я обиженно взвыл и разжал пальцы. Кувшин полетел на песок, а я поспешно отправил в рот травмированную конечность – безотказное средство первой помощи, помогает практически от всех бед.

Через несколько секунд я извлек изо рта исцеленные пальцы и с облегчением выругался.

– Не мог бы ты великодушно растолковать мне значение этих удивительных слов, Владыка? – вежливо осведомился чей-то низкий голос. Он звучал откуда-то сверху, так что в первое мгновение я изумленно решил, что консультация потребовалась самому господу богу, который, оказывается, все-таки есть, но почему-то не знает элементарных вещей.

Я поднял голову, и моя нижняя челюсть медленно опустилась на грудь: передо мной стоял полупрозрачный великан. В нем было никак не меньше десяти метров роста. Бритый череп и развевающееся на ветру белоснежное одеяние придавали его облику совершенно особое обаяние.

– Я – твой преданный раб, Владыка, – сообщил великан.

Новый знакомый явно наслаждался моим замешательством; голос его звучал снисходительно, как у взрослого, ввязавшегося в детскую игру.

– Ясно, – вздохнул я, чувствуя себя полным идиотом. – Что-то в последнее время под этим небом развелось множество желающих продолжить свой жизненный путь в качестве моей прислуги. Ну а имя-то у тебя есть?

– Хвала Всевышнему, я не обременен этой обузой, – отвечивал великан.

– Ну-ну, – Я задумчиво разглядывал это чудо природы, пока меня не осенило: – Слушай, ты что, джинн?

– Ну да. А кто же еще?

Я перевернул недра своей памяти, пытаюсь припомнить все, что говорилось о джиннах в арабских сказках, каковых я в свое время прочел великое множество – как чувствовал, что пригодится! Не то чтобы я действительно считаю сказки таким уж надежным источником информации, но иного в моем распоряжении все равно не было.

– Если ты джинн, значит способен в считанные секунды устроить мне походный дворец с чистым сортиром, об отсутствии которого я сокрушался несколько минут назад, – с надеждой сказал я.

– Ты несколько преувеличиваешь мое могущество, Владыка. Для того чтобы выполнить твой приказ, мне потребуется не меньше двух минут.

– Ничего страшного. Две минуты я как-нибудь потерплю. Да, кстати, дворец – это совершенно не обязательно! Даже нежелательно. Не хотелось бы всю ночь скитаться по его бесконечным коридорам. Меня вполне устроит маленький домик со всеми удобствами, огромной кроватью, набитым холодильником и запущенным садом... Впрочем, нет, сад – это лишнее. Если он мне понравится, я, пожалуй, начну подумывать о том, чтобы остаться и спокойно встретить там старость, которой еще поди дождись.

– Ничего страшного, – отмахнулся Джинн. – Мои создания недолговечны, как полуденные облака, поэтому тебе не удастся встретить старость в доме, который я для тебя построю. Провести там грядущую ночь – это пожалуйста.

– Собственно, так даже лучше, – вздохнул я.

– Печаль не к лицу тебе, Владыка, – укоризненно сказал Джинн. – Твое дело – легкой походкой идти навстречу своей судьбе. А мое дело – скрашивать твой путь маленькими радостями.

– Давай, скрашивай. Хорошая у тебя работа, ничего не скажешь.

– Во всяком случае, она не внушает мне отвращения, – спокойно согласился он.

Умолкнув, Джинн окончательно утратил четкость очертаний, проплыл облачком белесого тумана и исчез. Приступил, надо понимать, к выполнению задания. Я задумчиво водил пальцем по песку, почти машинально чертил схематическую рожицу: неровный круг лица, точки-глаза, короткие черточки вместо бровей и носа, кривая линия рта.

Рожица получилась неожиданно жуткая. Я передернул плечами и попытался стереть это сногсшибательное произведение изобразительного искусства. Бесполезно – вихрь сверкающих песчинок взметнулся из-под моей ладони, но рисунок остался таким же четким, как был, – можно подумать, что я высек эту проклятую рожицу в камне. Я виновато посмотрел на Синдбада.

– Видишь, что получается, милый? И заметь, я сам не понимаю, как оно у меня получается. И главное, на фига мне это нужно? Самая бесполезная разновидность могущества, ты не находишь?

Синдбад меланхолично помотал своей трогательной башкой. Это можно было расценивать как согласие. Верблюд казался мне вполне подходящим собеседником. Во всяком случае, у него не было никаких шансов попросить меня заткнуться.

– Твое повеление исполнено, Владыка, – объявил Джинн. – Не желаешь ли обернуться, дабы одобрить мою работу?

– Желаю, – кивнул я, разворачиваясь на сто восемьдесят градусов.

Действительность превосходила все ожидания. В нескольких шагах от меня проходила граница между горячим песком и густой сочной травой. В центре аккуратно очерченного овала лужайки стоял небольшой двухэтажный домик, выглядевший жилищем моей мечты. Обзавестись идеальной недвижимостью в теплых краях накануне конца света – такое могло случиться только со мной.

Часа через два я лежал в постели, чистый, сытый и вполне довольный жизнью. В спальне было прохладно и темно. Джинн куда-то подевался, верблюд, надо думать, слонялся по саду, так что я остался один. Закрыв глаза и с наслаждением уставился на разноцветные пятна, мельтешащие под моими веками. В глубине этих пятен скрывались сладкие сновидения. Оставалось только сосредоточиться на чем-то одном и дать безобидному ночному наваждению увлечь меня до утра.

Этот неземной кайф продолжался минут пять, не больше. Потом откуда-то издалека раздался вкрадчивый голос Джинна.

– Не соизволит ли Владыка пожертвовать безмятежностью своих мускулов? В твоём доме творятся удивительные вещи, которые могут доставить тебе некоторое удовольствие.

– Знаешь, – проворчал я, неохотно открывая глаза, – я бы все же предпочел не жертвовать безмятежностью мускулов, поскольку в настоящий момент мне может доставить удовольствие только возможность спокойно заснуть.

Можно было не утруждать себя, поднимая веки: темнота оставалась непроницаемой, и даже разноцветные пятна несостоявшихся сновидений по-прежнему мельтешили перед моим одуревшим взором. Я потянулся до хруста в суставах и поинтересовался:

– А какого рода «странные вещи» творятся в моем доме?

– Здесь бродит женщина, Владыка, – интимным тоном заслуженного работника Квартала Красных Фонарей доложил Джинн.

– Какая женщина? И откуда она взялась? Твой маленький подарок, так, что ли? Можешь завернуть ее в бумагу и спрятать в ящик стола, пока не требуется.

– Нет, Владыка. Это не мой подарок. Я бы не стал предлагать тебе то, чего ты не просишь. Она сама пришла. Бродит по коридорам, ищет тебя. Мне кажется, она просто хочет твоей любви. Это чрезвычайно распутная женщина: некоторые ее фантазии даже меня повергли в смущение, а ведь я многое повидал на своем веку. И она довольно красива, насколько я могу судить о человеческой внешности. Я подумал, возможно, тебе будет приятен ее визит.

– Вряд ли, – буркнул я. – Во всяком случае, не сейчас. Я хочу только одного – спать. Желательно – пару-тройку суток. Может быть, после этого я сумею по достоинству оценить воображение нашей гостьи. Слушай, а откуда она вообще здесь взялась? Мы же находимся в самом сердце пустыни, я ничего не перепутал?

– Ну, она просто пришла, – неопределенно объяснил Джинн. Немного помолчал и добавил: – Поначалу я сомневался, что она обыкновенная живая женщина. Но недвусмысленные намерения твоей гостьи убедили меня в ее человеческой природе.

– А где она, собственно?

– Бродит по коридорам. Если хочешь, я могу привести ее к тебе.

– Ну что делать, приведи, – кивнул я. – И будь настороже. Вряд ли она обыкновенная женщина. Откуда бы ей взяться в пустыне? И с какой стати ей вдруг приспичило срочно заняться со мной любовью? В такой ситуации логично ожидать какой-нибудь пакости.

Дальнейшие события показали, что я вполне могу претендовать на почетное звание величайшего пророка всех времен.

Уже в тот момент, когда на пороге появилась миниатюрная черноволосая барышня с огромными глазами и четко очерченными скулами, я понял, что дело пахнет керосином. Она меня не очаровала – тут наши с Джинном вкусы явно не совпали. Но дело было не в ее внешности. Загадочная система сигнализации, каковой по милости щедрой природы снабжен мой организм, сработала немедленно: под ребрами визгливо взвыли сирены тревоги. Внешний мир звучал в унисон с внутренним. Спальня встретила незнакомку грохотом падающей мебели. Я еще не успел сообразить, что происходит, а между мной и загадочной незнакомкой встал мой героический щит. Он был готов охранять меня даже сейчас – так мило с его стороны! Много-страдальные джинсы, к поясу которых был приторочен волшебный талисман, волочились за ним по полу. Штаны с видимым удовольствием принимали посильное участие в мероприятии по защите меня, любимого, от женских чар – переворачивали все стулья, которые попадались на их пути.

Пока я упивался незамысловатой, но эффектной режиссурой текущей сцены, моя гостья присела на корточки на пороге и тихонько запела какую-то монотонную песенку на каком-то незнакомом языке – если это вообще был язык, а не случайный набор звуков. Все бы ничего, но мотив мне решительно не нравился.

– Я не люблю эстраду, дорогая, – заметил я. – Нельзя сказать, что вы нашли кратчайший путь к моему сердцу.

Она не обратила на мои слова никакого внимания. Тянула и тянула свой тоскливый мотивчик. Я довольно поздно сообразил, в чем дело: мой верный щит начал медленно опускаться на пол, плавно покачиваясь под звуки ее серенады.

– А теперь я тебя поцелую, – объявила она, делая шаг по направлению ко мне.

Щит уже лежал на земле и не проявлял никаких признаков жизни. Честно говоря, я совершенно растерялся. Стоял, полуголый, бессмысленный и беззащитный, хлопал ресницами, а она шла ко мне, спокойно и неторопливо, словно ей действительно был нужен только поцелуй.

Ее губы оказались горьковато-солеными, как морская вода. От неожиданности я поморщился, хотел было отстраниться, но не успел.

К моему животу прикоснулось что-то холодное; миг спустя прикосновение стало обжигающе горячим, и я понял, что в мое тело вонзился кинжал, такой острый, что я не ощутил боли, только лед и пламя, мертвецкий холод металла и невыносимый жар, испепеливший все, что до сих пор было мною.

Впрочем, я пришел в себя очень быстро, да и настроение было вполне ироническое.

«Ну вот, выходит, теперь у меня осталось шестьсот шестьдесят четыре жизни, – насмешливо думал я. – Всего-то!» Для свежее испеченного покойника я совсем неплохо управлялся с арифметикой.

Кровожадная красавица так и не успела толком насладиться победой: я вцепился в ее запястья и с изумлением услышал тихий хруст тоненьких косточек. Вот уж не думал, что способен на такое зверство. Она отчаянно заверещала. Крик вышел высокий, визгливый, раздирающий на части нервы и барабанные перепонки. Тонкий длинный нож выскользнул из пальцев и бесшумно упал на ковер.

– Что ж, любовь моя, рассказывай, кто ты такая и с какой стати тебе приспичило меня убивать? – спросил я.

Девушка молчала. Через несколько секунд ее губы разомкнулись, но никакой информации я так и не получил, только еще один протяжный вопль.

– Продолжайте, леди, – подбодрил ее я. – Тоже ничего себе развлечение. У вас здорово получается, а спать мне уже, кажется, расхотелось.

Она снова открыла рот, но не смогла издать ни звука. Маленькое тело внезапно обмякло и начало оседать на пол. Я почувствовал раздражение: сейчас эта стерва грохнется в обморок, потом, чего доброго, упадет в кому, и я уже никогда ничего не узнаю! Такая перспектива меня совершенно не устраивала.

– Джинн, ты здесь? – позвал я.

– Здесь, Владыка.

– А какого черта, в таком случае, ты не защищаешь мою жизнь? Она же меня убила, эта маленькая засранка!

– Но ты не приказывал мне защищать твою жизнь, Владыка. Я не вмешиваюсь в твои дела, а только исполняю приказания. Откуда мне знать, может быть, тебе нравится умирать?

– Мне не нравится умирать, – сухо сказал я. – Учти это на будущее, ладно? А теперь помоги мне разобраться с нашей гостьей. Мне нужно, чтобы она пришла в себя. Хочу задать ей пару-тройку вопросов, а там поглядим. Можешь помочь?

– Надеюсь, что так.

Столб синеватого тумана окутал неподвижное тело женщины – Джинн, надо понимать, принялся за работу. Я присел на краешек кровати, опустил голову на руки и чуть не заплакал от обиды: все шло так хорошо, я уютно устроился в этом замечательном доме и как раз собирался немного отдохнуть, а тут пришла эта маленькая сучка и все испортила! Впрочем, я с самого

начала мог бы понять, что такая роскошь, как несколько спокойных дней в уютном домике с садом, мне больше не светит – никогда.

От попыток смириться с этим незамысловатым фактом меня отвлек бархатный голос Джинна.

– Твоя гостья оставила это тело, Владыка, – сообщил он.

– Что, умерла?

Я не слишком огорчился, скорее удивился – с чего бы это ей умирать? Потерять сознание – это я еще понимаю...

– Не умерла, а оставила это тело, – повторил Джинн. – Я виноват, Владыка: не сообразил, что это существо не может быть человеком. Недопустимое легкомыслие! Я, безусловно, заслуживаю гневного порицания. Это был дух, вселившийся в первое попавшееся женское тело. Весьма могущественный дух, принадлежащий к неизвестной мне породе существ. Женщина, которой принадлежало это тело, умерла в тот момент, когда дух овладел ею. А сейчас дух ускользнул, и тело вернулось в свое естественное состояние.

– Ты можешь его поймать? – нетерпеливо спросил я.

– Можно попробовать.

– Попробуй. И прихвати с собой это мертвое тело. Конец света или нет, а спать в одной комнате с трупом – это как-то слишком.

Последние слова были адресованы потолку, поскольку призрачный силуэт Джинна уже исчез в темноте. Мертвая женщина тоже куда-то подевалась, и это было к лучшему. Я с удивлением обнаружил, что спать мне все-таки хочется. Наверное, воскрешение из мертвых – в высшей степени утомительная процедура.

Меня разбудило невесомое прикосновение Джинна. Судя по всему, мне удалось проспать совсем немного: так скверно я себя давно не чувствовал!

– Прости, что нарушаю гармоничное течение твоего отдыха, Владыка, – высокопарно начал он.

– Ладно, чего там, – вздохнул я. – Ты поймал убийцу?

– Сначала поймал, потом упустил, – вздохнул Джинн. – Это существо не из тех, кого можно подолгу удерживать в плену. У него есть особый дар уходить, как вода сквозь пальцы. Но я не зря потратил время. Теперь я знаю ее настоящее имя.

– Именно «ее»?

– Да. Этот дух обладает женской природой, – кивнул Джинн. – Имей в виду, это очень важно для нас – знать ее имя, Владыка. В моем распоряжении есть одно заклинание, достаточно могущественное, чтобы подчинить кого угодно. Правда, когда речь идет о достойном противнике, оно действует очень недолго. И я употребил всю свою силу, чтобы узнать ее имя. Такого рода знание нередко дает власть, достаточную, чтобы оградить себя от беспокойства, причиняемого существами вроде нашей гостьи.

– Правда? – заинтересовался я. – И как же ее зовут, эту барышню? Мне, пожалуй, следует это знать. Все-таки мы целовались.

– Ее имя Уиштосиуатль, – Джинн произнес эту абракадабру очень отчетливо, почти по слогам, чтобы я как следует усвоил информацию.

В недрах моей памяти вяло заворочались полумертвые знания, почерпнутые по случаю когда-то много лет назад. А через несколько секунд меня по-настоящему осенило. Я подскочил на постели и победоносно уставился на Джинна.

– Слушай, а ты можешь добыть для меня книгу, если я скажу тебе ее название?

– Разумеется, Владыка, – голос Джинна звучал почти обиженно. – Было бы странно, если бы я не мог добыть для тебя какую-то книгу – от дешевой брошюры до редкого свитка из давно сгоревшей Александрийской библиотеки. Это очень легко.

– Тогда добудь мне энциклопедию «Мифы народов мира», – попросил я. – Это такой толстый двухтомник в черном переплете³. А еще стакан апельсинового сока и хороший кофе со сливками – если уж я все равно проснулся.

Через несколько минут я маленькими глотками пил прохладный кисловатый сок и листал толстенный том энциклопедии.

– Вот! – торжественно объявил я. – Так оно и есть! Том второй, страница пятьсот сорок шесть. Читаем: «*Уиштосиуатль, в мифологии ацтеков богиня соли и соленых вод... Ага, то-то она была такая соленая! Старшая сестра бога дождя Тлалока. Один из источников называет ее женой бога смерти Миктлантекутли. Считалась покровительницей распутства*», – на этом месте я ухмыльнулся.

– Если когда-нибудь встретишь бога смерти Миктлантекутли, непременно сообщи ему о недостойном поведении его супруги. Срам какой, об этом уже в книжках пишут! – весело сказал я Джинну.

– Хорошо, при случае я непременно сообщу ему, Владыка, – пообещал Джинн. Это только подлило масла в огонь моего веселья.

– Ладно, – отсмеявшись, вздохнул я. – Значит, индейские боги вышли на тропу войны. Надо же!.. Впрочем, волноваться будем, когда у меня в запасе останется последняя дюжина жизней. А что касается кофе, можешь вылить его в ближайший унитаз, радость моя. Я передумал. Лучше попробую поспать. Когда еще доведется.

– Тебе следует наслаждаться отдыхом в те редкие минуты, когда обстоятельства этому не препятствуют, – важно подтвердил Джинн.

На рассвете я покинул почти пустую прохладную пещеру, выдолбленную когда-то целую вечность назад в твердом теле столовой горы. Афина гостеприимно предложила мне считать эту нору своей – в невыносимо жаркую летнюю ночь почти три года назад, когда меня впервые посетило желание покинуть Асгард и провести наших будущих союзников. Она сразу поняла, что я останусь с ними надолго – прежде, чем я сам принял окончательное решение. Теперь-то я знаю, что задержусь здесь не просто «надолго», а навсегда. По крайней мере, до самого конца.

Я так и не сомкнул глаз этой ночью – неслыханная удача! Прежде сон, приносящий покой слабым людям, был мне вовсе неведом, как и прочим бессмертным, но теперь на мою долю все чаще выпадает зыбкая полудрема, опасный привкус небытия почти каждую ночь остается на моих губах. Что касается Олимпийцев, они уже давно спят по ночам, как самые обыкновенные люди. Их это не слишком тревожит, но мне кажется недобрый предзнаменованием. Люди не зря называют сон «маленькой смертью» – кому и знать, как не им! И если уж эта самая «маленькая смерть» теперь властна над нами, не предвещает ли это скорую потеху для настоящей Пожирательницы плоти?

Я отвязал от пояса кисет. Время сделало черную кожу почти прозрачной: эта вещь служила мне не меньше дюжины столетий, а может, и больше. Откровенно говоря, я уже давно отказался от привычки сверять свою жизнь с человеческими календарями, хотя поначалу это казалось мне забавной игрой, одной из многих игр, придуманных людьми словно бы специально мне на потеху. В кисете дремали мои руны, двадцать пять драгоценных плодов моей собственной давнишней сделки со смертью.

С возрастом я все чаще думаю, что мне пришлось заплатить непомерную цену за пустячную, в сущности, добычу. Впрочем, не в моих силах изменить прошлое, а события последних лет показали, что изменить будущее, скорее всего, тоже не в моих силах. Мысли

---

³ Вот ведь. А первое издание было в бордовом переплете. (Примеч. ред.)

об этом заставляют меня скрежетать зубами от гнева: прежде мне никогда не случалось признаваться себе, что существуют вещи, над которыми я не имею власти.

Я немного подержал кисет на ладони и развязал стягивающий его инурук.

Давным-давно, когда темные шероховатые косточки сладких оранжевых плодов, произрастающих вдалеке от суровой северной земли, которую я привык считать своей вотчиной, только-только попали мне в руки, я каждый свой день начинал, ласково взвешивая этот мешочек на ладони. Наугад доставал оттуда один эсребий и жадно всматривался в царапины на его поверхности, потемневшей от времени и моей собственной крови; с наслаждением ощущал, как меня переполняет холодная, пронзительная, ни с чем не сравнимая ясность, безжалостная, как смерть, из чьих объятий я вынес свои сокровища. Это было славное время: у меня имелись ответы на все вопросы, даже на те, которые я так и не сумел сформулировать. Под черной кожей моего заветного кисета заманчиво шуришала истина, да я и сам был в ту пору Истиной, в первой и единственной инстанции, и плохо приходилось тому, кто смел в этом усомниться.

Это прошло, как все проходило в моей переменчивой жизни. Долгое время у меня вовсе не было вопросов, на которые мне могли бы потребоваться ответы: утрата любопытства – обычная плата за могущество, и до сих пор я не встречал никого, кто счел бы ее завышенной. Видимо, я один такой.

И только когда стало ясно, что конец, в который мои родичи не верили вовсе, совсем близок, я снова вспомнил о своих маленьких мудрых советчиках. Теперь мои пальцы малодушно трепещут всякий раз, когда я извлекаю из кисета очередной эсребий. Я прихожу в смятение, как обыкновенный смертный, ничтожный человечешко, которому посчастливилось приобщиться к древней тайне, позволяющей заглянуть в будущее или даже сотворить это самое будущее, почти нечаянно приворожить его в тот краткий миг, когда холодок ослепительной ясности щекочет затылок, и уже не имеет значения, чья рука достает руну наугад из непрогниваемой темноты кисета, ибо по большому счету все существа равны перед настоящим чудом – асы, ваны, люди, турсы, карлы и прочие беспокойные твари.

Асгард, впрочем, я покинул не по велению рун, а почти наперекор их совету: затаиться, помалкивать, ждать. Меня гнали оттуда упрямство и отчаяние. Ни в одном из мрачных пророчеств не было сказано, что Один уйдет из обители Асов накануне Последней битвы, и я с веселым отчаянием обреченного вдруг решил, будто в моих силах повернуть колесо судьбы, воспрепятствовать предначертанному ходу вещей. Если начистоту, я до сих пор так думаю.

С тех пор руны – единственное, что связывает меня с прошлым; последнее неопровержимое свидетельство моей былой безграничной власти над истончившимися нитями, соединяющими парчовые и дерюжные лоскуты бытия. Уже не тайное оружие, но еще не сентиментальный сувенир, чуть больше, чем просто память о младенческом могуществе богов, но много, много меньше, чем дверь, ведущая в детскую...

В эти смутные дни накануне конца я обращался к рунам не для того, чтобы в очередной раз насладиться собственной силой – нынче не до жиру! Теперь я смиренно обращался к ним за советом и, чего греха таить, за подмогой.

Но подмога мне пока не светила. День за днем я доставал из мешочка одну и ту же руну и содрогался от такого постоянства.

Иса – одна из трех великих Рун Промедления, глубокая ровная царапина на темной поверхности абрикосовой косточки. **«Лед очень холоден, он прозрачен, как стекло, он сияет на солнце, которое должно долго светить, прежде чем лед растает»** – эти слова когда-то произнесли мои собственные мертвые губы, и с тех пор простая вертикальная черточка стала символом инерции, прекращения активности, вынужденного ожидания благоприятной ситуации.

Теперь же я чувствовал, как эта проклятая ледяная руна бездействия забирает мою силу, сгущает кровь, калечит тело, погружаясь – не колом осиновым в сердце, а всего лишь калеными иглами под ногти – пока. И все же каждое новое утро я встречал гаданием. В эти дни я на собственном опыте понял, что такое надежда. Я нуждался в надежде, как ни унижительно это звучит.

Мои пальцы наширили в темноте руну, предназначенную мне на сегодня. Она была ощутимо теплее прочих – я бы не смог ошибиться, даже если бы захотел. Я положил косточку на землю, немного помедлил и наконец посмотрел на нее: что теперь?

Целое мгновение я был абсолютно счастлив. Не Иса, больше не она! Наконец хоть что-то другое. Несколько глубоких царапин на темной поверхности образовывали знак, немного похожий на букву N из азбуки, придуманной пустоголовыми ромейцами.

«Хагал! – прошептал я. – Клянусь всеми своими именами, это Хагал. **Посланник перемен, неукротимая энергия, сметающая все в никуда, разрушающая все вокруг. Град, что приходит с небес и, рассеиваемый ветром, превращается в чистую воду...**»

Я умолк, поскольку сила руны переполнила меня до краев. В это мгновение я, кажется, уже знал, что нас ожидает, и у меня не было возражений против такой судьбы.

– О, да Один уже на ногах, бодрый, как фаллос сатира! Так и знала, что застаю тебя здесь. Как и подобает приветствовать грядущий день величайшему из героев, если не сидя на корточках на заднем дворе!

Насмешливый голос Афины вернул меня к действительности. Это был ее настоящий голос, не постылый мужской баритон. Да и облик Афины оставался таким, каким ему надлежит быть – на мой взгляд, совершенным.

Я так обрадовался ее появлению, что не стал досадовать на непочтительный тон. Еще и не такое позволительно меж друзьями, вознамерившимися не только жить бок о бок, но и погибнуть плечом к плечу.

Я хотел выложить ей все, о чем только что узнал, но обнаружил, что у меня нет подходящих слов. Я, конечно, старался, как мог. Твердил, что грядущие разрушения приходят из некоего таинственного места, скрытого в потаенной глубине наших сердец. Не только люди, но и боги беременны собственной гибелью, вынашивают ее, как младенца, вскармливают сьт-

ной, густой кровью. Уверял Афины, что битва с судьбой может принести только печаль. И тут же сам себе перечил, обещал: мы, дескать, все равно попробуем.

Умолк, когда осознал, что и сам уже ничего толком не помню, не понимаю, лишь предчувствую, что вспомню и пойму однажды – лишь бы не слишком поздно.

Все к лучшему, не всякую тайну следует делить на двоих. Афина так ничего и не уразумела. Укоризненно уставилась на меня.

– Что ты говоришь, Один? При чем здесь какая-то «битва с судьбой»? Кто-то убил Диониса этой ночью, здесь, на моей амбе – представляешь?

«Ну и пес с ним», – чуть было не сказал я. Но после одумался. Решил, что такое исключительное событие, как гибель одного из бессмертных, заслуживает моего внимания.

– Когда это случилось?

– Говорю же тебе, этой ночью. И знаешь, что самое поразительное? Мои Хранители никого не учуяли. Поверить не могу – до сих пор они казались мне безупречными стражами. Идем со мной, Игг. Может быть, хоть ты сможешь разобраться. Ты же у нас хитроумный.

– Что ж, идем.

Я поднялся с земли и едва удержался на ногах – в мое колено с разбега уткнулась глупая морда огромной неуклюжей собаки, одного из Любимцев. Пес прибежал сюда вслед за хозяйкой и теперь бестолково крутился у нас под ногами. Все Любимцы – совершенно неуправляемые, беспокойные и не слишком разумные существа, но этот пес по всем статьям превосходил своих дружков.

– Отойди от меня, волчий корм, – рявкнул я. – Не мельтеши, ты, пища серой опоры всадниц мрака!

Афина ухватила своего пса за огромное ухо и кое-как оттащила его от меня.

– Не будь с ним строг, Один. У этого существа не было ни единого шанса когда-нибудь стать живым, и все-таки я вдохнула в него жизнь и силу. Неудивительно, что он такой непоседа!

– Да я и не удивляюсь. Просто прошу его не скакать у меня под ногами, – проворчал я. – Объясни своей вертлявой твари, что я зашибить могу – не по злобе, а ненароком. Сама же потом наплачешься.

– Ладно тебе грозиться. Идем, посмотришь на Диониса, – вздохнула она. – Кому могло прийти в голову, что его следует убить? Он был такой безобидный.

– «Безобидный»?! – усмехнулся я. – Ну-ну.

– По сравнению с нами, – Афина пожала плечами. – Не прикидывайся, Игг. Ты отлично понимаешь, что я имею в виду.

Ну, пожалуй, так. Безобидным я бы его все же не называл, но Дионис действительно был самым спокойным и дружелюбным из Олимпийцев. Славный он был парень, этот Дионис. Слишком славный и не слишком удачливый – по крайней мере, для того, кто называет себя одним из богов. В зеленой глубине его веселых глаз таилась почти человеческая беспомощность. До сих пор я был уверен, что никто, кроме меня, не замечает этого изъяна. Недооценивал, значит, Афины. Нужно теперь иметь в виду, что она куда проницательнее, чем кажется.

Мертвый Дионис лежал в спальне, отведенной ему для ночлега. Комната ничем не отличалась от моей: пестрый ковер на полу, узкое ложе в центре и большой блестящий ящик в дальнем углу пещеры. Афина называет его «телевизором»; ни одна комната в жилище Олимпийца не обходится без этой человеческой игрушки, дарующей глупые, утомительные, но занимательные сны наяву.

– Посмотри, Вотан. Что это? Ты когда-нибудь видел такое оружие? – спросила Афина.

Она опустилась на колени у изголовья мертвого Диониса и внимательно разглядывала его перепачканное кровью лицо. Я не ожидал, что его кровь будет так похожа на челове-

скую. Олимпийцы действительно понемногу превращались в обыкновенных людей – куда быстрее, чем хотелось бы.

Оставалось только молиться, чтобы меня миновала такая судьба, лучше уж умереть раньше срока. Но кому, интересно, может молиться Один? Разве только самому себе – не сбрендившему же Зевсу и уж точно не его полоумным детишкам.

Я сначала не понял, на что указывает Афина. Вопросительно уставился на кровавое месиво под шапкой спутанных светлых кудрей. Только потом увидел, что из глазниц Диониса торчат какие-то узкие деревянные предметы. Я выдернул один из раны и внимательно его оглядел. Это было небольшое веретено причудливой конструкции, испещренное замысловатыми узорами, не похожими на узоры, которые мне доводилось видеть на предметах, изготовленных людьми или богами.

– Видишь? – я показал его Афине.

– Женское оружие, – мрачно сказала она. – Мне как-то доводилось слышать, что разгневанная женищина способна превратить в смертоносное оружие все, что под руку подвернется. До сих пор я считала это некоторым преувеличением. Выходит, ошибалась.

– А откуда он вообще здесь взялся? – спросил я. – Вчера вечером у нас не было гостей.

– У меня, а не «у нас», – отрезала Афина.

Я нахмурился. Она уже не впервые невежливо напоминала мне, что я здесь – всего лишь гость. В такие мгновения мне очень хочется навсегда покинуть ее амбу. Не тихо уйти, куда глаза глядят, а как следует хлопнуть дверью, оставить за собой следы крови и пепла. Но я умею ждать – когда считаю, что оно того стоит.

Поэтому я и бровью не повел.

– Да, разумеется, «у тебя», а не «у нас». Тем не менее гостей здесь все-таки не было.

– Он прилетел очень поздно, уже после того, как ты ушел в свою спальню. Совершенно пьяный, чуть не угробил свой «Фокер» при посадке. Сказал, что испытывает потребность в дружеской беседе, а на его амбе, дескать, не с кем словом перекинуться. Он же так и не обзавелся ни Любимцами, ни Хранителями. Говорил, что не хочет растрачивать силу по пустякам. А мне кажется, он просто ленился. Чтобы вдохнуть жизнь в неживое существо, надо на пару часов отставить в сторону бутылку.

– Да, такой подвиг ему был не по зубам, – усмехнулся я. – Ладно, с этим все ясно. А что у вас вышло потом?

– А как ты думаешь? – фыркнула Афина. – Я сказала, что не собираюсь тратить время на пустую болтовню с горьким пьяницей, а посему ему следует поискать себе более подходящую компанию. Когда я закончила произносить последнюю фразу, он уже спал. Пришлось отнести его в спальню. Не оставлять же собственного брата валяться на земле. Потом я отправилась отдыхать. А сегодня утром послала нескольких Любимцев разбудить моего дорогого гостя и привести его ко мне. Я намеревалась обстоятельно объяснить Дионису, после какой по счету чаши вина ему не следует приходить ко мне в гости. Планировала начать это утро с хорошего семейного скандала. Чтобы ему больше никогда в жизни не пришлось в голову мирно отсыпаться на моей амбе после нескольких лет непрерывного кутежа. Впрочем, теперь визиты бедняги Диониса нам с тобой больше не угрожают. И это печально, Игг!.. Но зачем было его убивать?

Я задумчиво крутил в руках окровавленное веретено.

– Зачем было его убивать – с этим вопросом можно не слишком спешить. Меня куда больше интересует, кто мог его убить? Бедняга Дионис действительно был вполне безобидным парнем и никуда не годным противником. Но он был бессмертным, как и мы с тобой, Нике.

– Это поправимо, как видишь, – мрачно сказала Афина. – Никакие мы не бессмертные, Игг. Просто мы чуть менее смертны, чем люди. Совсем немного – стоило ли поднимать из-за этого такой шум!

«Ну, положим, на твоём месте я бы говорил только о себе», – подумал я. Но вслух сказал лишь:

– Как бы там ни было, но ты и сама понимаешь, что в этом мире не так уж много существ, способных убить одного из нас.

– Не так уж много, верно. Но любой из нас мог бы убить Диониса, если бы очень постарался. Во всяком случае, ты точно смог бы. И я тоже. Но я его не убивала.

– Я тоже его не убивал. Даже если бы я вдруг решил поразмяться, я бы начал не с Диониса. И не в твоём доме, можешь мне поверить.

– Спасибо, – вздохнула она. – Я знаю, что это не ты, Игг. Ты всю ночь был в своих покоях, а на рассвете вышел и сразу отправился во двор, не заходя в другие помещения. Мои Хранители следили за тобой. Они всегда следят за тобой, ты уж извини.

– Ну да, а зачем они ещё нужны, – согласился я. – На твоём месте я бы и сам отдал приказ следить за таким гостем.

– Я рада, что мои слова не причинили тебе обиду, – улыбнулась Афина. – Я почти доверяю тебе, Один. Во всяком случае, больше, чем кому бы то ни было. Но я, знаешь ли, привыкла не доверять никому, кроме себя.

– И это правильно. – Я снова показал ей веретено. – Ты никогда прежде его не видела, Нике? Может быть, у кого-то из твоих Хранителей?

– Ни у кого из моих Хранителей нет ничего подобного. – Она ещё раз посмотрела на веретено и покачала головой. – Скажу больше, я вообще никогда не встречала подобных веретен. Обычно они немного иначе устроены. Не думаю, что я смогла бы им пользоваться.

– А ты умеешь прясть? – изумился я. – Никогда не видел тебя за этой работой.

– Тем не менее я умею прясть, и ткать тоже. В своё время мне довелось научиться и более бесполезным вещам. Во всяком случае, моих познаний достаточно, чтобы утверждать: это веретено не принадлежит никому из наших. Оно изготовлено далеко отсюда, к тому же руками, которые привыкли двигаться не так, как мои. А вот как именно – не пойму... Совсем чужая вещь.

– Интересно. На изделия моих людей оно тоже не слишком похоже... Ладно, теперь скажи мне вот что. Как могло получиться, что твои Хранители никого не учуяли?

– Вот это я и сама хотела бы понять, – вздохнула Афина. – Мои Хранители способны учуять кого угодно. По крайней мере, до сих пор я была совершенно уверена, что ни одно существо, кем бы оно ни было, не сможет войти сюда и остаться незамеченным.

– А ты не преувеличиваешь достоинства своих слуг? Все-таки кто-то здесь побывал. Не думаю, что Дионис убил себя самостоятельно.

– Об этом и речи быть не может, – согласилась она.

– Получается, что убийца возник из небытия, прямо здесь, в этой комнате, сделал своё дело и снова исчез? – подытожил я.

– Получается, – кивнула Афина. – Никому из наших это не под силу. А ты мог бы?

– Когда-то мог. Но не сейчас. Теперь это не по плечу старику Одину.

Вообще-то я был совершенно уверен, что и сейчас вполне способен появиться, где сочту нужным, и исчезнуть откуда угодно, если пожелаю. Но зачем открывать свои карты тому, кто неосмотрительно готов поверить тебе на слово? Поэтому я печально добавил:

– Сила понемногу уходит от меня, Паллада. Думаю, это не только моя проблема.

– Не только, – эхом повторила она. – Надо рассказать остальным о том, что случилось. Придется лететь к Зевсу. Снятил он там или нет, а все-таки он наш с Дионисом отец. И вообще самый старший. Считается, что на нем все держится... Составишь мне компанию?

– Разумеется. А что мы будем делать с Дионисом? Как вы хороните своих мертвых?

– Да, это вопрос. Видишь ли, Игг, до сих пор никто из нас не умирал. А когда умирали наши родичи из числа людей, мы не препятствовали их домочадцам поступать в соответствии с традициями. Несколько раз случилось, что Зевс забирал своих детей от смертных женщин на Олимп и возвращал им жизнь. Впрочем, ему уже давно не по плечу подобные чудеса. А такого, чтобы умер один из нас, еще никогда не было.

– Что ж, значит, до сих пор вам везло. Мне однажды пришлось похоронить сына, а ведь он был рожден такой же, как я, а не смертной женщиной. Что ж, пожалуй, не стоит беспокоиться о погребении. Мертвому все равно. Поэтому с ним следует поступить так, как удобно живым.

С этими словами я взялся за меч и начертил в воздухе над головой мертвого Диониса сияющий зигзаг.

– Делай свое дело, Соулу! – велел я руне.

Пространство вспыхнуло ослепительно-белым огнем. Через несколько секунд от тела Диониса не осталось ничего: руна Соулу сжигает, не оставляя пепла.

– Он хорошо ушел, – одобительно заметил я.

– Никто не знает, – возразила Афина. – Может быть, мертвецам не нравится сгорать, даже в твоём волшебном огне, просто мы не слышим их протестов?

– Глупости. Мертвые, которым посчастливилось уйти отсюда через огненные двери, никогда не сетуют, что им устроили плохие похороны, – сказал я. – Не забывай, когда я говорю о мертвых, я знаю, что говорю.

– Да, действительно, – нахмурилась она. – Ты ведь, в сущности, такой же стервятник, как наш Гадес.

Мне не слишком понравились ее слова. Терпеть не могу, когда меня с кем-то сравнивают. Я нахмурился, но промолчал. Не ссориться же сейчас по пустякам.

Впрочем, Афине еще и не такое могло бы сойти с рук. Я заранее готов простить ей все что угодно, не требуя извинений, и вообще ничего не требуя. Когда я думаю о том, сколь близко подпустил эту сероокую деву к своему мертвому сердцу, меня разбирают сомнения – а уж не опоила ли она меня каким-нибудь колдовским зельем? Чего не сделаешь, чтобы обеспечить себе надежного союзника накануне первой и последней настоящей войны.

Уже в небе, когда послушный ее воле летательный аппарат нес нас над низкими утренними облаками, Афина вдруг решила, что ей следует извиниться. Нечасто в ее голову приходят столь разумные мысли.

– Не следует обижаться, когда я сравниваю тебя с Аидом, Один, – заметила она. – В конце концов, он самый могущественный из нас. Во всяком случае, Аид – единственный, кто вызывает у меня робость. Так что можешь расценивать мои слова как похвалу.

– Могу, – согласился я. – Но не стану. Зачем мне пустая похвала? И с чего ты решила, будто я обижаюсь?

– Я не решила, я почувствовала, что ты недоволен. Не сердись на мою болтовню, Игг. Никакие вы не стервятники – ни ты, ни Аид. Я сказала, не подумав.

Афина на секунду обернулась ко мне, я успел разглядеть на ее прекрасном лице виноватую улыбку. Это было что-то новенькое. До сих пор я даже не предполагал, что эта сероглазая способна признавать собственные ошибки.

На амбе, которую занимал Зевс, было шумно и людно, как всегда. Одних только домохозяев из смертных у него несколько десятков, о Любимцах и Хранителях я уже не говорю: их и сосчитать-то невозможно! Подозреваю, что грозный Вседержитель больше всего на свете боится обыкновенного одиночества.

Афина покинула аэроплан, едва дождавшись, когда он коснется земли.

– И ты здесь, Мусагет? – спросила она, обращаясь к высокому загорелому красавчику с томными глазами и безвольным, как у избалованного ребенка, ртом.

– Не угадала, Паллада. Я не Аполлон, я – Арес, – возразил тот.

Ну да, эти два дурня уже давно всерьез состязались за право обладать обликом, в свое время принадлежавшим какому-то знаменитому певцу и женскому любимцу. Насколько мне известно, в затянувшейся сваре победил Аполлон. Заявил, что сам является певцом, а посему и спорить не о чем. Кесарю кесарево, еще вопросы есть?

Какие уж тут вопросы. Тьфу.

– Арес? Вот это да! Ты все-таки уговорил Аполлона уступить тебе облик Элвиса? – расхохоталась Афина. – Что ты ему пообещал? Что больше не будешь пытаться петь в его присутствии?

– Я его не уговаривал. И уж тем более ничего не обещал. Просто решил, что стану принимать этот облик, когда мне взбредет в голову, а Аполлону придется с этим смириться, поскольку он вряд ли превзойдет меня в драке.

– Заметно, что наше время подходит к концу. Могучие мужи уподобились неразумным младенцам, – вздохнула Афина. – Напрасно вы оба так цепляетесь за этот облик. Попробовали бы что-то более оригинальное. Ты был чудо как хорош, когда примерял на себя тело той белокурой красотишки – как ее звали? – ну да, Мерилин! Что касается Аполлона, он прекрасен в любой упаковке, если ее голосовые связки соответствуют его потребностям. А с чего это ты вдруг решил навестить Зевса, Арей? Насколько я знаю, вы не очень-то ладили в последнее время.

– И не только в последнее время, – хмыкнул тот. – А кто с ним ладит, скажи на милость? Но на моей амбе произошло нечто чрезвычайное. Меня пытались убить на рассвете. И я подумал, что Зевс должен об этом знать. В конце концов...

– Тебя пытались убить? – встревожилась Афина. – Кто же?

– Понятия не имею. Было темно, я только проснулся и едва успел сообразить, что происходит. Так что я его не разглядывал, я с ним дрался. Могу сказать одно: до сих пор мне никогда не приходилось иметь дело с таким серьезным противником. Могу сказать одно: это не кто-то из наших.

– Чужой, да?

Он молча кивнул.

– А Хранители? – упавшим голосом спросила Афина. – Они его пропустили?

– Они его не учуяли, никчемные бездельники. Я хотел было выкинуть их на улицу, всех до единого, но потом решил, что первый проступок заслуживает снисхождения.

– У него, часом, не было при себе такого оружия? – Я показал Аресу маленькое веретено, темное от крови Диониса.

– Все шутить, Один? – хмыкнул он.

Аресу все время кажется, что я над ним посмеиваюсь. Это не так уж далеко от истины, но, по крайней мере, сейчас я был серьезен как никогда.

– Вотан не шутит, – вмешалась Афина. – Эту прялку мы только что извлекли из глаза мертвого Диониса.

– «Мертвого»? – изумленно переспросил Арес. – Как это может быть?

– Не знаю. Но Дионис ночевал на моей амбе. А сегодня утром мы нашли его мертвым.

– Плохо дело. Мне и в голову не приходило, что кто-то из нас может отправиться к Аиду еще до начала Последней битвы.

– Да, ничего хорошего, – согласилась Афина. – Ладно, давай зайдем к Зевсу. В любом случае мы за тем и прибыли.

Домочадцы Зевса попытались было сыграть с нами в свою любимую игру – начали бормотать, что мы должны записаться на прием. Тогда, дескать, Вседержитель рассмотрит нашу просьбу и, возможно, согласится принять нас в будущем месяце.

– Отойдите, смертные, и молитесь своего покровителя Зевса, чтобы я не разгневалась, – рявкнула Афина.

Этого оказалось достаточно. Насмерть перепуганные прислужники молча расступились перед нами.

Мы шагали по длинному коридору. Нелепые создания, зевсовы Любимцы с испуганным бормотанием разбегались по углам. Многочисленные Хранители почтительно ускользали в тень. Они не были способны задержать самую могущественную из детей Зевса, а уж меня – и подавно.

Да они и не пытались. Единственное, что могли сделать Хранители – предупредить хозяина о нашем визите. Оно и неплохо. Во всяком случае, нам не пришлось силой поднимать Зевса с ложа.

– Кому это пришло в голову, будто вам позволено лишать меня покоя, дети? Неужели соскучились? – сурово спросил он. Потом увидел меня и поспешно постарался придать своему лицу приветливое выражение.

Он выглядел заспанным, но нелепый облик грузного чернобрового старца, который, если верить бедняге Дионису, в свое время принадлежал какому-то русскому полуконунгу, уже был при нем. Спал он в таком виде, что ли?.. Тело выглядело помятым и неухоженным, словно оно было засаленной домашней рубахой, давным-давно позабывшей, как выглядят руки усердной прачки.

– О, и ты здесь, Один? Приветствую тебя. Начинаю думать, что произошло нечто серьезное, если уж и ты ко мне пожаловал.

Зевс очень старался быть вежливым. До сих пор я только однажды был его гостем, в тот самый день, когда решил покинуть Асгард и присоединиться к Олимпийцам. Тогда мы оба почти понравились друг другу – ровно настолько, что не сговариваясь решили видеться пореже, чтобы не испортить добрые отношения. Полагаю, Зевсу непросто смириться с присутствием кого-то более могущественного, чем он сам. Мое появление среди Олимпийцев стало для него не слишком приятным сюрпризом, хотя он прекрасно знает, что заполучить такого союзника, как я, великая удача.

Что ж, мне были вполне понятны его чувства. До сих пор я не стремился досаждать Зевсу своим обществом. Нет ничего хуже, чем два конунга на одной земле!

– Дионис мертв, Зевс, – сказала Афина. – Его убил кто-то чужой. И еще кто-то чужой пытался убить Ареса.

– У него ничего не вышло, я правильно понял? – усмехнулся Зевс. – Кстати, дорогая, я уже говорил тебе, что предпочитаю имя Юпитер?

– Дионис мертв, – настойчиво повторила Афина.

– Да, я слышал. Не нужно повторять дважды. А чего ты, собственно, от меня ждешь? Слез? Так из меня плохая плакальщица. Если хочешь узнать, как прошло его путешествие в царство мертвых, навести Аида. Думаю, Один с удовольствием составит тебе компанию.

Я нахмурился. С какой это стати Зевс позволяет себе предсказывать мои поступки?

– Навестить Аида – и это все, что ты можешь мне посоветовать, Зевс? – горько спросила Афина. – Опомнись! Последняя битва еще не началась, а нас уже убивают. Ты должен что-то предпринять.

– Я сам буду решать, что я должен делать, а чего не должен, – нахмурился Зевс. Он отвернулся, а когда снова обратил к нам свое лицо, это был грозный лик того, кто называл себя Вседержителем, – смертельно усталый, но все еще вполне устрашающий. Впрочем, сейчас он не собирался никого устрашать. Да и вряд ли у него вышло бы что-то путное из такой затеи.

– Я ничего не могу сделать с этой бедой, Паллада. Во всяком случае, пока не могу, – признался Зевс. – Счастливые дни, когда мне было ведомо все, что происходит под небесным сводом, давно миновали. Так что тебе и впредь придется в одиночку биться со своими врагами, Марс. Если ты сможешь взять в плен того, кто будет посягать на твою жизнь, это может спасти всех остальных, так что уж расстарайся. Но на мою помощь не надейся, я не стану устраивать засаду на неведомых убийц в твоей спальне, даже если это отдалит конец мира на несколько тысячелетий. А ты, Паллада, навести Аида. Если Дионис действительно мертв, Аид сможет устроить ваше свидание. Сама знаешь, ради тебя мой брат на многое готов. Пусть Дионис расскажет тебе, как он умирал, возможно, это будет всем нам полезно. Я прошу тебя, Один, быть ей хорошим спутником. В Царстве Мертвых ты почти дома, в отличие от всех нас.

– Это правда, – согласился я. – Ладно, Зевс, я провожу ее к Аиду. Мне и самому любопытно поглядеть, куда попадают те, для кого закрыты двери Вальгаллы.

– Спасибо. Когда будете знать больше, чем сейчас, возвращайтесь ко мне, и мы подумаем, что делать дальше. А теперь позвольте мне остаться одному. Я помню, что недостойно пренебрегать законами гостеприимства, но ваши угрюмые лица сокращают число дней, отведенных мне на этой прекрасной земле. А их и без того осталось немного.

– Ладно, – кивнула Афина. – По крайней мере, ты дал нам не самый худший совет.

Она обернулась ко мне.

– Не гневайся на Зевса, Видур. Нам всем тяжело в последнее время, и у каждого свой способ облегчить свое существование.

– Я и не думал гневаться, – великодушно сказал я. – Пошли отсюда.

И тут Арес, ошеломленно промолчавший все это время, наконец сподобился выступить с речью.

– Я не нуждаюсь в твоей помощи, Зевс, – заявил он. – Но желание отсидеться на своей амбе, пока нас убивают поодиночке, покроет тебя вечным позором.

Зевс лишь нахмурил брови, но этого отказалось достаточно.

– Идем, Арес, – шепнула Афина. – Сейчас плохое время для ссор.

– Я не...

Договорить ему не удалось. Я молча положил руку на плечо Ареса и пошел к выходу. Он без возражений последовал за мной.

Я отпустил его плечо только тогда, когда прохладные коридоры Зевсовых владений остались позади и горячие лучи утреннего солнца заставили нас подслеповато прищуриться.

– Чтобы тебя Цербер сожрал, Один! – возмущенно завопил Арес. – Что ты себе позволяешь?

На мгновение я позволил своим истинным чувствам отразиться на лице. Этого оказалось достаточно – Арес умолк и угрюмо уставился в землю.

– Очень своевременное пожелание, если учесть предстоящее нам путешествие, – усмехнулась Афина. – Спасибо на добром слове, Арей. А тебе не кажется, что Хар только что великодушно спас твои уши от хорошей трепки?

Это был перебор. Безусое лицо Элвиса начало багроветь, поскольку вся горячая кровь, бегущая по жилам скорого на ссору Ареса, в одно мгновение прилила к его буйной голове.

– Не нужно сердиться, дружище, – мягко – а как еще говорить с этим дурнем?! – сказал я. – Ни на Афину, ни на меня, ни на Зевса. Сейчас действительно плохое время для свар. Самое что ни на есть неподходящее.

– Ладно уж, – угрюмо кивнул Арес. Его лицо постепенно приобретало нормальный цвет.

– Мне бы очень хотелось, чтобы ты согласился принять мою помощь.

Я старался выбрать правильный тон, чтобы нам с Афиной не пришлось заново успокаивать этого мальчишку.

– Мне не нужна помощь, – буркнул Арес. – Неужели ты думаешь, что кто-то может превзойти меня в бою?

– Возможно, ты прав, и в открытом бою тебе действительно нет равных.

Я мог бы развеять его самоуверенность одной хорошей затрепичкой, но решил пощадить самолюбие этого – не худшего, к слову сказать, из Олимпийцев.

– Но не забывай, – продолжил я, – наш таинственный враг не стыдится нападать на спящих. Ты сам говорил, что на тебя напали, когда ты спал. И Диониса убили, не потрудившись разбудить. А ваши Хранители не способны учуять убийцу – кем бы он ни был. Тебя ведь не предупредили, что в доме враг. И Хранители Афины тоже не подняли тревогу. Так что на них рассчитывать не приходится.

– Твоя правда, – неохотно согласился он. – И что же ты предлагаешь?

– Я позову валькирий. Они в последнее время сетуют, что я пренебрегаю их помощью. Прикажу им оставаться рядом с тобой до тех пор, пока мы не вернемся. А там видно будет.

– Кого это ты собираешься звать? – заинтересовался Арес.

– Прекрасных дев, Арей. Таких прекрасных, что ты глазам своим неверишь, – улыбнулся я. – И таких грозных воительниц, что даже наша Паллада осталась бы ими довольна.

– Правда? – удивилась Афина.

– Рано или поздно ты сама увидишь их в деле. До встречи с тобой я считал, что им нет равных ни в одном из миров.

– Прекрасные воительницы в моей спальне – это звучит неплохо! – ухмыльнулся Арес.

– Только не вздумай требовать от них любви, герой. Если ты будешь слишком настойчив, для тебя Последняя битва начнется сегодня же. Мои девочки умеют отваживать докучливых любезников.

– Можно подумать, нужна мне их любовь, – Арес чуть не лопнул от злости.

– Зато они будут хорошими помощницами, если убийца решит нанести тебе еще один визит. По крайней мере, сможешь спать спокойно, – Я дружески подмигнул ему и добавил: – Думаю, нам следует отправиться на твою амбу, Арес. Зевс будет счастлив, если мы отсюда уберемся.

– Ладно, – хмуро кивнул Арес. – Следуйте за моим «Мстителем».

– Ну давай, вызывай своих прекрасных воительниц, Один, – проворчал Арес, когда мы благополучно приземлились на вершине облюбованной им столовой горы.

Я кивнул и огляделся. Мне требовалось уединиться. Некоторые деяния не терпят чужого присутствия.

– Ждите меня здесь, – сказал я, почти бегом устремляясь к узкой тропинке, которая уводила куда-то вниз. Можно было не сомневаться, что на склоне найдется укромное местечко.

Напоследок я услышал, как Арес спрашивает Афину: «Куда понесло этого одноглазого?» – и ее спокойный ответ: «Туда, где нет нас с тобой».

Я вернулся к ним через четверть часа, и не один, а в компании шестерых своих помощниц. Мои прекрасные девы явились мгновенно. По счастью, их сила не стала убывать накануне конца. Я счел это хорошим предзнаменованием. Нынче, когда всякая добрая примета на счету, приходится сочинять их по ходу дела.

Я вкратце обрисовал ситуацию и велел защищать Ареса от любого, кто явится за его головой. Валькирии восторженно закивали. Они были несказанно рады, что я наконец-то снова отдаю им приказы, как в старые добрые времена.

– Познакомьтесь с моими новыми друзьями, – сказал я, указывая на хмурого Ареса и надменную Афину. – Не буду лишний раз оглашать вслух их имена, вам и без того ведомы прозвания всех, кто хоть раз брал в руки оружие.

– А твои друзья – воистину величайшие из асов грома сечи, Отец битв, – уважительно заметила Скёгуль, самая разговорчивая из моих грозных дев. Остальные пятеро молча кивнули.

– Еще бы, – подтвердил я. – Они – такое же воплощение самого Духа битвы, как и мы с вами.

Ясное дело, и Аресу, и Афине понравилась такая беседа. Арес тут же завел хвастливую речь о больших запасах якобы наилучшего нектара в его закромах. Дело явно шло к большой пирушке.

– Мы не можем принять твое великодушное предложение, Арес, – вежливо отказалась Афина. – Нам предстоит долгий путь.

– Ну да, с небес – под землю, – ухмыльнулся тот. – Пожалуй, не стану предлагать вам себя в качестве спутника. У меня тут такие гости... Да и, сказать по правде, блуждания в царстве Аида мне не по душе.

– Мне тоже, – согласилась Афина. – А что делать?

– Не забудьте взять с собой деньги для Харона, – посоветовал Арес. – Этот скупец скорее позволит вам себя убить, чем сдвинет с места свою лодчонку, пока не получит, что ему причитается. А пересекать Стикс вплавь... Думаю, это даже вам с Одином не под силу.

– Тут ты ошибаешься, – усмехнулся я. – Впрочем, заплатить все-таки проще. Когда это я жалел серебра? Спасибо, что напомнил.

– Тебе известен короткий путь в царство Аида, Игг? – спросила Афина, когда ее истребитель оторвался от земли.

– Известен. Мне известен самый короткий путь, Нике. Но тебе он не понравится.

– Что ты имеешь в виду?

– Сама не догадываешься? Чтобы попасть в мир мертвых, нужно умереть самому. Я многократно ходил этим путем и всякий раз возвращался. Но я не настаиваю.

– Единственный вход в царство Аида, который известен мне, довольно далеко отсюда, – сухо сказала она. – Думаю, нам придется лететь часов двадцать, если не больше. Но выбирать не приходится.

Когда я проснулся, было уже далеко за полдень. Минуты две я был абсолютно счастлив. Зевал, потягивался, хрустел суставами и не давал себе труда вспомнить, к какой именно реальности только что вернулся. Моя персональная религия гласит, что каждое утро – начало совсем новой жизни; всякий раз вместо меня вчерашнего просыпается совсем другой человек. Этот новорожденный начинает все с нуля, а ночью благополучно исчезает, уступая место новому игроку. Как всякая красивая космогония, моя версия мироустройства не имеет решительно

никакого практического значения – хочу я того или нет, а жить приходится в липкой паутине причинно-следственных связей и почти всякое утро начинается с ускоренного просмотра хроники вчерашних событий.

Вот и сейчас я увидел рядом со своей подушкой толстенную двухтомную энциклопедию мифов с закладкой на букве «У», вспомнил жутковатые события минувшей ночи и незамедлительно обнаружил стаю диких кошек в районе своего сердца. Они скребли мою многострадальную мышцу, не покладая лапок.

– С такими страстными индейскими барышнями никакого запаса жизней не хватит, – мрачно сказал я, обращаясь к потолку.

– Ты звал меня, Владыка? – В углу спальни сгустилось облачко серебристого тумана. Через несколько секунд Джинн окончательно материализовался и одарил меня лучезарной улыбкой.

– Да нет, не звал пока... Но все равно хорошо, что ты здесь. Всю жизнь мечтал попадать прямо из постели в ванную, без пеших прогулок по окраинам жилища. Это возможно?

– Проще простого.

Миг спустя тело мое оказалось в теплой ароматной воде. Под опекой Джинна жизнь стала настолько простой и приятной, что меня подмывало тихо захрюкать от удовольствия. Но я держал себя в руках.

Через полчаса я сидел на траве, в тени раскидистого дерева неизвестной мне породы и старался тактично объяснить Джинну, что его представления о том, какое количество пищи мне требуется на завтрак, мягко говоря, далеки от реальности. Того, что он извлек из небытия, с лихвой хватило бы на дюжину оголодавших молотобойцев.

– Проблемы возникают, когда еды слишком мало, Владыка, – возразил он. – Слишком много еды – это не проблема, можешь мне поверить!

– А ты сам не будешь есть? – спросил я, извлекая из сундуков своей памяти скудные сведения о физиологии джиннов, почерпнутые исключительно из арабских сказок. К моему удивлению, Джинн пожал призрачными плечами.

– Как пожелаешь, Владыка. Я могу столетиями обходиться без пищи, но вполне способен составить компанию тому, кто в ней нуждается. Мне все равно.

– Ну, если ты способен не только составить мне компанию, а еще и получить от этого удовольствие, присоединяйся, – обрадовался я.

– Слушаю и повинуюсь!

Джинн отвесил мне шутовской поклон и начал понемногу сгущаться – уж не знаю, как еще можно описать то, что с ним происходило. Он уменьшился до нормальных человеческих размеров, в то же время его тело стало более плотным. Теперь он почти ничем не отличался от человека – симпатичный бритоголовый дядька средних лет, одетый в какой-то неопиcуемый кисейный балахон. Собственно, лишь очертания его наряда и напоминали о прежнем призрачном статусе Джинна. В солнечных лучах они казались размытыми и неопределенными, как клубы тумана.

– Здорово! – восхитился я. – Совсем как настоящий.

– Я и есть настоящий, Владыка. Неужели ты думал, что до сих пор я тебе просто мерещился? – усмехнулся Джинн, усаживаясь рядом со мной.

После этого начались настоящие чудеса. Сказочное существо за полчаса расправилось с горой продовольствия. Я благоговейно наблюдал...

– Наверное, мне надо приниматься за дело, да? – печально спросил я, когда счастливое время первой чашки утреннего кофе подошло к концу.

– Тебе виднее, Владыка, – отвечал Джинн. – Но, согласно моим наблюдениям, если человек долго не принимается за свое дело, дело само принимается за него.

– Еще чего не хватало, – испугался я. – Вообще-то у меня был соблазн устроить себе отпуск на недельку... Ну да ладно, судя по всему, у меня все равно ничего путного не выйдет. Угрызения совести по утрам, полуденная скука, сражения с прекрасными индейскими боги-нями по ночам – вот и все, что мне светит. Что ж, давай сегодня же отправимся на могилу Мухаммеда. Ты перенесешь меня в Медину? Будешь смеяться, но я даже не знаю, в какой она стороне.

– Разумеется, перенесу, – пообещал Джинн. – Для того я, собственно, и существую, чтобы помогать тебе справляться с насущными проблемами. Отправишься туда прямо сейчас или все-таки сперва допьешь кофе?

– Разумеется, сначала я допью кофе. А потом попрошу у тебя еще одну чашку. А потом, возможно, еще одну, если разоюсь. Думаю, Мухаммед может побыть мертвым еще полчаса, правда?

– Ты совершенно прав, Владыка. На мой взгляд, излишняя торопливость приличествует только зеленым юнцам и лишенным мудрости полоумным старцам, – подтвердил Джинн, подавая мне вторую чашку кофе.

Все это было хорошо, но мне так и не удалось остановить время. Дело кончилось тем, что я тяжело вздохнул и пошел в спальню за своим плащом и энциклопедией мифов. Мне почему-то казалось, что сей источник знаний лучше держать при себе. По крайней мере, из этой книжки можно почерпнуть хоть какие-то сведения о моих будущих соратниках. И о противниках, разумеется. Судя по всему, в ближайшее время мне предстояло иметь дело исключительно с мифическими существами.

Неподъемный двухтомник я положил в сумку, притороченную к седлу Синдбада, а потом и сам взгромоздился на его многострадальную спину.

– В Медину, Владыка? – услужливым тоном истосковавшегося по чаевым таксиста спросил Джинн откуда-то из-за моей спины.

– Ага. Доставь меня на могилу Мухаммеда. Понятия не имею, где она там находится, а мне вроде бы надо на нее наступить. Вернее, это Мухаммеду надо, чтобы я на нее наступил.

Я еще не успел договорить, а земля уже ушла из-под верблюжьих ног и вообще все куда-то подевалось – по счастью, ненадолго.

Потом мир вернулся ко мне. В этом мире почему-то была ночь, темная и прохладная, и я почти не различал очертаний окружающих меня предметов.

– Приехали, Владыка, – объявил Джинн. – Тебе осталось спешиться и сделать несколько шагов влево.

Умница Синдбад тут же опустился на землю, облегчая мне задачу. Он отлично понимал, что имеет дело с неопытным седоком.

– Налево? – переспросил я, неуверенно шагнув в темноту.

– Да. Еще шаг. Не бойся, не споткнешься.

Я сделал еще шаг в сторону, потом еще один. Земля содрогнулась, да так, что я едва устоял.

Однажды мне довелось пережить землетрясение – совсем слабенькое, баллов пять, не больше, – но я навсегда запомнил панический, животный ужас, который охватил меня в тот момент, когда надежная земная твердь вдруг задергалась под ногами. На этот раз сердце тоже со всей дури рвануло в пятки. Но миг спустя на смену закономерному человеческому страху пришло сладкое чувство причастности к происходящему. На этот раз я был причиной разбушевавшейся стихии, а не ее перепуганной жертвой.

Земля под моими ногами пружинила, как хороший батут, и мне это нравилось, кто бы мог подумать! Толчки становились сильнее и сильнее, а потом все закончилось, да так внезапно, словно кто-то всемогущий резко повернул выключатель, сердито ворча: «надоело!»

– Хвала Аллаху во всяком положении! – с чувством сказал приятный баритон за моей спиной. – Ты все-таки исполнил свою клятву, Али!

Белки широко распахнутых глаз моего нового знакомого блестели в темноте. Он жадно дышал, как бегун на финише, и восхищенно озирался по сторонам.

К счастью, он совершенно не был похож на ожившего мертвеца из какого-нибудь второсортного ужастика. Нормальный живой бородатый дядька, кажется, довольно симпатичный. Его лицо казалось мне смутно знакомым. Что ж, если верить словам красавчика Аллаха, мы с Мухаммедом в свое время были хорошими друзьями.

Усилием воли я загнал в самый дальний угол сознания воспоминания об этих славных временах. Они-то уже изготовились прорвать ненадежную плотину, впопыхах сооруженную из жалких остатков моего здравого смысла, но мне по-прежнему казалось, что занимательные подробности моего мифического прошлого вполне способны свести меня с ума. А это было, мягко говоря, не совсем своевременно.

Мухаммед тем временем грохнулся на колени, уткнулся лбом в землю и принялся веле-речиво благодарить моего работодателя Аллаха. Вообще-то его можно было понять: если бы мне довелось воскреснуть из мертвых, я бы с энтузиазмом восхвалял всех известных мне богов подряд – на всякий случай, пока они не передумали!

Я огляделся. Где-то рядом, по моим расчетам, ошивался Джинн, а я как раз нуждался в его помощи: для полноценного общения нам с Мухаммедом требовалось какое-нибудь уютное местечко. Из темноты выглянула флегматичная морда Синдбада, над его головой, словно некий неуместный нимб, мерцало хорошо знакомое серебристое облачко.

– Ты здесь, душа моя? – на всякий случай спросил я.

– Не думаю, что я являюсь твоей душой, – возразил Джинн. – Тем не менее я здесь.

– Мне бы хотелось, чтобы ты доставил нас в какое-нибудь тихое уединенное место, вроде того домика, который ты так любезно соорудил для меня в пустыне.

– Мы можем просто вернуться туда, если пожелаешь, – предложил Джинн.

– Проблема в том, что я не люблю возвращаться. Во всяком случае, туда, откуда я ушел в твердой уверенности, что это навсегда.

– Это свидетельствует о твоей мудрости, Владыка.

– Домик был хорош. Тебе не составит труда соорудить для нас что-нибудь в таком же роде? – спросил я.

– Разумеется, – заверил меня Джинн. – А в каком месте?

– Понятия не имею. В любом, наверное. Главное, чтобы это место было пустынным.

– В настоящий момент почти все места под этим небом являются пустынными, – огорошил меня Джинн. – Время живых уже закончилось, а время мертвых еще не началось. Насколько я понимаю, они ждут, когда ты их позовешь.

– О господи, – охнул я. – Так все уже случилось? А я-то, дурак, думал...

– Все уже случилось, – подтвердил Джинн.

Мухаммед неожиданно вмешался в нашу беседу.

– Я знаю, куда нам следует отправиться. Наш совместный путь должен начаться в пустыне, в том самом месте, откуда начался твой путь ко мне. Всякое великое дело следует начинать дважды.

Я-то думал, что он выпал из жизни часа на два, но парень шустро разделался с благодарственными молитвами и тут же включился в совещание.

Я обернулся к серебристому облачку.

– Значит, нам нужно попасть туда, где я развлекался со своей старой подружкой Сфинксом. Эх, жаль, что тебя со мной там не было, уж вместе мы бы ей показали почем фунт коша-чьего дерьма в неурожайный год... А ты сможешь найти это место?

– Нет ничего проще.

– Ну просто чудо какое-то! – растроганно вздохнул я.

Через несколько секунд мы уже стояли на горячем песке, шурились от яркого солнечного света. Я незамедлительно уселся на давешний камень: моя задница была счастлива повторно соприкоснуться с этим воистину совершенным сидением.

С временами суток творились удивительные вещи. Мы с Джинном покинули свое пристанище вскоре после полудня и сразу же оказались в Медине, где почему-то была глубокая ночь. А здесь, в пустыне, послеполуденный солнцепек. В то же время я был совершенно уверен, что мы никуда не отлучались из Восточного полушария. По моим расчетам, эта самая пустыня находилась где-то в Северной Африке: где еще и бродить Сфинксу?

– Тебя что-то удивляет, Владыка? – спросил Джинн.

– Ну да. Только что в Медине была ночь. А здесь...

– Во всем мире воцарилась ночь, Владыка. И только в некоторых местах смена дня и ночи по-прежнему происходит обычным образом. Эта пустыня – одно из таких мест. Твоей силы хватает, чтобы вдохнуть жизнь в реальность, замершую в ожидании конца. Кроме тебя под этим небом есть и другие существа, у которых хватает могущества увидеть солнечный восход. Но в Медине их не было, а твой визит туда оказался слишком коротким. Откровенно говоря, я думал, что ты и сам все это знаешь, Владыка.

– Ничего я не знаю. Ты разочарован?

– Мне неведомо чувство разочарования, Владыка, – беззаботно отмахнулся Джинн.

– Тебе следует попросить своего могущественного слугу разбить для нас шатер, – заметил Мухаммед. – Нам не приличествует вести беседу под открытым небом.

– Ты не очень огорчишься, если это будет не совсем шатер? В последнее время я, знаешь ли, привык к комфорту.

– Я уверен, что ты сделаешь наилучший выбор, Али, – вежливо сказал он.

Я обернулся к Джинну:

– Сооруди что-нибудь вроде того домика, в котором мы провели прошлую ночь, со всеми удобствами, кондиционерами и так далее, ладненько?

– Ладненько, – эхом откликнулся Джинн.

Наша с Мухаммедом деловая беседа состоялась только на закате. После того как пророк приобщился к таинству гидромассажной ванны, все остальное утратило для него значение.

– Хвала Аллаху, я уже в раю! – твердо сказал он, погружаясь в теплую булькающую воду. Я благоразумно воздержался от теологического диспута.

Пока Мухаммед плескался, мы с Джинном коротали время за игрой в нарды. У него хватало великодушия изредка мне поддаваться, чтобы я получал удовольствие от игры. Время текло незаметно, но за полчаса до заката я начал всерьез беспокоиться. Испугался: вдруг Мухаммед захлебнется от свалившегося на него счастья, и тогда мне придется взвалить на себя и его работу. Так что я пошел проверить, как у него дела.

Мухаммед с блаженным лицом сидел в ванне и восторженно хлопал ладонями по воде. Летящие во все стороны брызги, судя по всему, забавляли его чрезвычайно. Из уважения к моим гипотетическим былым заслугам пророк согласился продолжить это интеллектуальное занятие несколько позже и принялся старательно отжимать бороду.

Я попросил Джинна добыть для нашего дорогого гостя приличествующую случаю одежду. В красном махровом халате до пят Мухаммед смотрелся более чем импозантно. Я отвел его в прохладную просторную гостиную, усадил на диван и кратко изложил суть предстоящей нам великой миссии. Мне показалось, что Мухаммеду по барабану⁴: что за войско мы

---

⁴ Я предлагал на всякий случай убрать непочтительное высказывание о Пророке, но автор, будучи неверной собакой, не согласился. (Примеч. ред.)

должны возглавить и какую битву выиграть. Жизнь представлялась ему простой и прекрасной штукой. Он сам только что счастливо ускользнул из объятий смерти, где-то на небесах все еще орудовал мой приятель Аллах, а здесь, на земле, имелся я, так сказать, «полномочный представитель» этого самого Аллаха. Следовательно, все должно было уладиться само собой.

Пророк восхищенно поглощал разнообразные продукты питания, извлеченные из небытия хозяйственным Джинном, доверчиво хлопал миндалевидными глазами и легкомысленно отмахивался от моих попыток растолковать ему, что мы влипли в серьезную передраку. В конце концов я понял, что ему лучше вернуться в ванную. По крайней мере, там парень будет счастлив, а толку от него все равно никакого.

– Скажи мне, Али, а в этом раю есть гурии? – поинтересовался Мухаммед перед тем, как снова погрузиться в воду.

– Кто?

– Гурии, – настойчиво повторил он. – Вообще-то в раю они должны быть.

– О господи! – Я не знал, плакать мне или смеяться. – Но ведь это не рай, а просто домик в пустыне. Уютное наваждение со всеми удобствами на одну ночь. Впрочем, если тебе позарез требуются гурии... Сейчас выясним.

Я отправился в сад, где обнаружил Джинна, снова склонившегося над игровой доской. Рядом топтался Синдбад. Через несколько секунд я с суеверным ужасом понял, что Синдбад не просто топчется, а принимает активное участие в игре. Время от времени он осторожно брал в зубы стаканчик с игральными костями, аккуратно его тряс, переворачивал, разглядывал цифры, а потом прикасался влажным носом к деревянной фигурке, которую, по его мнению, следовало передвинуть.

Ну да, конечно. После того как бедняга Джинн полдня играл в нарды со мной, верблюд вполне мог показаться ему достойным соперником.

– Наш Мухаммед требует гурий, – сообщил я Джинну. – Поможешь?

– О, это просто, – Джинн на мгновение поднял глаза от доски, что-то пробормотал и снова задумчиво уставился на игровое поле.

Проанализировав ситуацию, я понял, что Джинн понемногу проигрывает верблюду.

– Что, уже? – удивился я. – Наш пророк нежится в объятиях прекрасных дев?

– Разумеется, – кивнул Джинн. – Кстати, я могу оказать тебе такую же услугу, Владыка. Дюжина-другая гурий вполне поместится в твоей спальне.

Я удивленно покачал головой.

– А мне-то они зачем?

– Станный вопрос, – усмехнулся Джинн. – Ну, скажем так – для того, чтобы не испытывать одиночества.

– По моим наблюдениям, одиночество такого рода приносит прохладу в летнюю ночь и возможность свободно размахивать ногами во сне, – в тон ему откликнулся я. – А я как раз весьма дорожу и тем и другим. Так что я, пожалуй, откажусь от твоего любезного предложения. Лучше просто попробую выспаться. Чует мое сердце, пока наш приятель Мухаммед будет сидеть в ванной, мне придется пахать за двоих. А он будет плескаться еще тысячу лет, это как минимум.

– Ты не любишь женщин, Владыка? – подмигнул мне Джинн. – Так и скажи. Не хочешь гурий, могу привести к тебе прекрасных юношей.

– Ну да, героев знаменитой загадки Сфинкса. Заодно проверим на практике, насколько соответствовал истине ответ, за который мне пришлось заплатить жизнью, – фыркнул я. – Нет уж. Мужчин я люблю еще меньше, чем женщин. Во всяком случае, когда обнаруживаю их под своим одеялом.

– Только не говори, что предпочитаешь джиннов, – встревожился мой могущественный слуга. Но тут же расслабился: – Впрочем, я могу призвать кого-нибудь из своих родичей, среди них встречаются весьма любвеобильные.

– Не надо! – твердо сказал я. – Не надо ни джиннов, ни гурий, ни домашних животных, ни птиц, ни насекомых – никого.

– Извини, Владыка, – покаялся мой искуситель. – Я не знал, что ты уже настолько близок к совершенству.

– Я к нему не просто близок, я оно и есть... Знаешь, мне бы хотелось, чтобы этой ночью ты поработал не сутенером, а охранником. Вдруг наша маленькая подружка, соленая индейская леди, решит снова заключить меня в свои объятия. Сколько бы там жизней ни было у меня в запасе, но умирать каждую ночь – так мы не договаривались. А если она доберется до Мухаммеда, будет еще хуже. Выбраться из одной могилы и сразу угодить в другую – это как-то чересчур. К тому же он еще не успел насладиться всеми радостями бытия.

– Я буду охранять твой дом, – пообещал Джинн. – Прошлой ночью я оплошал, поскольку никогда прежде не встречал тварей вроде твоей гостыи. Но сегодня буду начеку.

– Вот и славно, – улыбнулся я. – Тогда спокойной ночи. У меня глаза слипаются.

Мир, где я родился и вырос, катился ко всем чертям, а я, официальный руководитель конца времен, спал как младенец. Без прекрасных гурий и прочих излишеств в таком роде, зато и без кошмарных снов. Скорее уж наоборот. Мои сновидения были сладкими и ни к чему не обязывающими. Думаю, у меня даже хватило наглости улыбаться во сне.

К счастью, за мною никто не подсматривал. Даже вездесущий Джинн всю ночь слонялся по садовым дорожкам. Для полного сходства с ночным сторожем ему не хватало только тулупа и двустволки.

Утром за завтраком Мухаммед выглядел неважно. Я косился на него с некоторым злорадством, как убежденный трезвенник взирает на ближнего, изнемогающего от зверского похмелья. Впрочем, сегодня пророк внимательно выслушал мой деловой бред, посвященный организации грядущего апокалипсиса. Задумчиво погладил бороду, покивал. Мои слова по-прежнему его ни капли не шокировали. Оно и понятно – чем, интересно, можно шокировать человека, только вчера восставшего из мертвых?

– Если Аллах хочет, чтобы я повел людей на Последнюю битву, значит, так и будет, – попытожил он.

– Вот и славно.

Я чувствовал себя начинающим менеджером по рекламе, только что умудрившимся всучить громоздкий заказ до неприличия богатому клиенту.

– Я так благодарен тебе за то, что ты сдержал свое слово, Али! – прочувствованно сказал Мухаммед, отставив в сторону тарелку. – Когда ты обещал, что вызволишь меня из любой беды, даже из объятий смерти, мне очень хотелось верить, но все же я не надеялся, что такое возможно. Прости меня. Мне не следовало сомневаться в могуществе Аллаха, чьей чудотворной рукой ты являешься от начала времен.

– Скорее уж двумя руками сразу, – буркнул я. – И самое досадное, что ни одна из этих рук не может скрутить кукиш.

– Я не понимаю тебя, – огорчился Мухаммед.

– И не надо.

Я заставил себя дружелюбно улыбнуться этому славному дядьке, который так трогательно верил в мою непогрешимость, что плакать хотелось.

Вообще-то, он начинал мне нравиться, этот наивный бородач – несмотря на то, что его смуглое морщинистое лицо то и дело вызывало в глубине моей памяти смутные образы, кото-

рые мне совсем не хотелось ворошить. Я прилагал чудовищные усилия, чтобы заставить их оставаться смутными, как тревожное сновидение, которое уходит прочь, пока чистишь зубы.

– А где войско, которым мне предстоит командовать? – деловито осведомился пророк. – Тебе придется наступать на могилу каждого мертвеца, чтобы вернуть его к жизни? Это отнимет много времени даже у такого могущественного чудотворца, как ты... Или они сами восстанут из могил и явятся к нам?

– Боюсь, именно так они и сделают. И меня не спросят. Во всяком случае, у меня такое чувство, будто вот-вот что-то начнется. А в последнее время мои предчувствия то и дело сбываются.

– Хорошая шутка, Али! – неожиданно развеселился Мухаммед. – «Предчувствия», «в последнее время», – это надо же!

Я удивленно уставился на него, а потом понял, почему он ржет. Ну да, разумеется. Предполагалось, что я говорю голосом самого Аллаха, да еще и являюсь его рукой, а посему будущее для меня – открытая книга. Как же, размечтались!

Впрочем, я не стал его разочаровывать. Дело наживное, сам разберется, что я за птица. Или не разберется – если нам обоим очень повезет.

События начали разворачиваться сразу после завтрака, с пугающей меня самого стремительностью. Со мной вечно так – стоит немного расслабиться, понадеяться, что чудеса решили отдохнуть от меня, и – хлоп, уже что-нибудь натворил. Спасайся кто может.

На сей раз я выскользнул в сад, почти бегом промчался по сочной густой траве, еще влажной от утреннего дождя, организованного на рассвете безотказным Джинном по моей личной просьбе, а потом мои следы один за другим отпечатались на раскаленном бархатном теле пустыни, окружавшей наше убежище.

Я довольно долго брел куда глаза глядят. Остановился, когда понял, что мне в лицо дует пронзительный холодный ветер, совершенно неуместный под этим знойным небом. Его ледяные порывы делали меня бесконечно счастливым – можно было подумать, что я родился только для того, чтобы однажды в пустыне встретиться лицом к лицу с северным ветром, и вот сбылось, наконец-то.

«Вообще-то, чтобы извлечь мертвецов из их уютных могил, требуется труба архангела, – вдруг подумал я. – А трубы у меня нет. Да и какой из меня трубач? Такой же хреновый, как и архангел».

Словно в ответ на мои идиотские размышления откуда-то издалека донесся удивительно чистый звук, но не трубы, а саксофона. Изорванная, почти мучительная и в то же время не лишенная своеобразной гармонии мелодия звучала – не то в небесах, не то в моем сердце. В какой-то момент мне удалось разглядеть сутулый силуэт чернокожего музыканта. Кажется, его ноги не касались земли. Впрочем, нельзя сказать наверняка – нас разделял не один десяток метров и прозрачная завеса, сотканная из невыносимо яркого солнечного света и мириад расстроенных ветром песчинок.

«Смеху будет, если это и есть покойный Чарли Паркер, как раз по нему занятие», – весело подумал я.

Звуки музыки быстро разогнали мои глупые мысли, так что больше некому было ломать голову, идентифицируя личность «архангела». Вместо этого я принялся кричать, захлебываясь от восторга. Понятия не имею, что именно я вопил. Стыдно даже – до сих пор никогда не понимал людей, способных прийти в экстаз на концерте, и вдруг сам туда же.

Это безобразие продолжалось довольно долго. Когда я наконец опомнился и заткнулся, музыка уже стихла, силуэт саксофониста тоже исчез. На мой нос упало что-то холодное и мокрое, потом еще и еще. Я глазам своим не верил – это были снежинки. Они лениво кружились в воздухе, медленно опускались на остывающий песок. Самый настоящий снег, холодный

и влажный. Пожалуй, куда более настоящий, чем я сам. Я понял, что смертельно устал – у меня даже не было сил как следует удивиться. Поэтому я просто развернулся и пошел обратно, педантично наступая на собственные следы.

Когда вдалеке замаячили зеленые деревья и красная черепичная крыша нашего пристанища, мои следы окончательно скрылись под снегом, который становился все гуще.

– Что это, Али? – с благоговейным ужасом спросил Мухаммед.

Он стоял на границе между садом и пустыней и ошарашенно пялился на снегопад. На нашей территории погода оставалась теплой и солнечной, снегопад не затронул этот крошечный островок зелени: то ли Джинн вовремя подсутился, то ли хорошая погода по месту проживания полагалась мне согласно штатному расписанию, вместе с прочими волшебными материальными благами.

– Это снег, – объяснил я Мухаммеду. – Ну да, ты же его никогда не видел... Ничего особенного, вполне заурядное природное явление. Хотя в этих краях он никогда прежде не шел. В общем, можешь считать, что просто случилось еще одно чудо.

– Воистину непостижимы деяния Аллаха! – вздохнул Мухаммед.

Я не стал с ним спорить, поскольку чувствовал непреодолимую потребность улечься на траву и закрыть глаза. Темнота, которая за этим последовала, устраивала меня как нельзя больше.

...Я пришел в себя, когда на мой лоб опустилась прохладная рука. От нее слегка пахло гиацинтами и еще чем-то сладким – не то медом, не то молоком. Я улыбнулся от удовольствия и открыл глаза. В сером сумеречном свете призрачный силуэт склонившегося надо мной Джинна выглядел особенно эффектно.

– Спасибо, что разбудил, – поблагодарил я. – Отрубиться в саду, на траве, как пьяный подросток на даче у приятеля, – фи! Не мой стиль. Хорошо хоть этот зеленый кошмар оказался неплохим одеялом.

Я зябко закутался в свой чудовищный, но чертовски уютный плащ, который постепенно начинал казаться мне самым родным существом в мире, и спросил:

– Сколько я тут валяюсь?

– Часа три. Я собирался перенести тебя в дом, но к тебе пришли, Владыка, так что придется вставать.

– Кто это ко мне пришел? – нахмурился я. – Опять эта соленая маньячка? Или моя подружка Сфинкс снова возникла из небытия? Вообще-то я по ним еще не соскучился.

– К тебе пришли люди, Владыка. Много людей. Они окружили сад, поскольку не могут преодолеть поставленную мною преграду. Эти люди в один голос утверждают, что ты сам их позвал. Одни говорят, что ты послал за ними ветер, другие – будто ты пришел за ними во сне, а третьи молча глядят себе под ноги. Я полагаю, что это и есть твое войско – еще не все, конечно. Они прибывают и прибывают.

– Войско? Уже? – обреченно спросил я, растирая виски ледяными кончиками пальцев. – Ох, ну почему все происходит так быстро?... И что я буду делать с этим войском? Не представляю!

– Ты не любишь повелевать людьми, да? – спросил Джинн. – От души сочувствую тебе, Владыка. Впрочем, мудрецы говорят, что именно из тех, кому противна власть над другими, получают самые лучшие правители.

– Все может быть.

Я поднялся на ноги. Они были ватными и противно дрожали. Я чувствовал себя как на третий день гриппа, когда самое худшее уже позади, но больному все еще чертовски паршиво и, что особенно неприятно, начинает казаться, что теперь так будет всегда.

– А твоего могущества хватит, чтобы привести меня в порядок? – с надеждой спросил я. Джинн печально покачал головой.

– Если бы ты был болен, я бы тебя вылечил. Но ты не болен. Просто потерял слишком много сил, когда призывал свое воинство. А я не хранитель твоей силы, Владыка. Есть вещи, с которыми ты должен справляться сам.

– Какое свинство! – вздохнул я. И поспешно добавил: – Я не тебя имею в виду, дружище. Просто сетую на судьбу. Но хоть чашечка кофе у тебя найдется, надеюсь?

– Разумеется, – с поклоном ответил Джинн. – самого наилучшего.

Я уселся на траве, скрестив ноги, и с удовольствием попробовал содержимое фарфоровой чашки, которую Джинн отработанным жестом провинциального фокусника извлек из ниоткуда.

– А, собственно, на кой я им сдался, этим людям? – спросил я. – Вроде бы мы с Мухаммедом договорились, что величайшим полководцем всех времен и народов у нас будет он. А я – так, серый кардинал на полставки... Где он, кстати? Опять в ванной с гуриями, так, что ли?

– О, да ты настоящий провидец, Владыка!

– Возмутительно! – фыркнул я. – А работать кто будет?

– Может быть, когда придет время выступать в поход, Мухаммед действительно возглавит твоё войско, Владыка, – без особой уверенности сказал Джинн. – Но сейчас он тебе ничем не поможет. Ты призвал этих людей, ты вернул их к жизни, и теперь они должны увидеть тебя, чтобы принять свою судьбу.

– Ясно, – вздохнул я. – Крыть нечем. Если я скажу, что не намеревался возвращать их к жизни и вообще ничего особенного не собирался делать, это ничего не изменит, правда? Все уже случилось, назад пути нет. Как всегда.

– Беседуя с тобой, я, кажется, начинаю постигать логику таинственной силы, которая движет всем во Вселенной, – неожиданно улыбнулся Джинн. – Если бы эта сила пожелала вступить с нами в беседу, она бы тоже наверняка сказала, что не собиралась делать ничего особенного, но все тем не менее уже случилось, и назад пути нет.

– Уверен, что так оно и есть. Ох, погоди-ка! А как же я буду разговаривать с этими ребятами? Я знаю всего пару языков, да и те неважно. Может быть, ты сможешь быть переводчиком?

– Это не понадобится, – успокоил меня Джинн. – Собственно говоря, человеческих языков больше нет. Они иссякли, как солнечный свет.

– Но мы же как-то разговариваем.

– Да, разумеется, мы по-прежнему можем вести беседу. При этом я не размыкаю уст, а тебе кажется, будто я говорю на твоём родном языке. А я вижу, как движутся твои губы, но не прислушиваюсь к словам, а просто читаю в твоём сердце. Одним словом, между нами что-то происходит, и мы прекрасно понимаем друг друга. И когда ты обращаешься к Мухаммеду, он понимает тебя, а ведь ты давным-давно позабыл язык кочевников; даже ради спасения собственной жизни ни слова не вспомнишь. То же самое будет, если ты захочешь поговорить с людьми, которые тебя ожидают. Понимаешь, о чем я толкую?

– Честно? Я ничего не понял, кроме одного: у меня не будет никаких проблем с языковым барьером. И на том спасибо, – усмехнулся я, отставив в сторону чашку и поднимаясь с травы. – Составишь мне компанию? А то вдруг они начнут хулиганить, эти наши «воины тьмы» – и как я тогда?

Я решительно зашагал туда, где сад граничил с пустыней. Джинн не отставал от меня ни на шаг. Его присутствие меня здорово успокаивало. Вообще-то я не любитель выступать перед большой аудиторией, а уж аудитория у меня на сей раз намечалась самая что ни на есть грандиозная.

Но увидев человеческое море, окружившее мою резиденцию, я неожиданно успокоился. Остановился, огляделся. Снег уже прекратился, но еще не растаял. Да и с чего бы ему таять? Было чертовски холодно, хорошо хоть ветер утих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.